

Г. РАППОРТ

Страницы

ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОШЛОГО

Дитя

Г. РАППОПОРТ

СТРАНИЦЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО
АЛТАЯ

Литературно-краеведческие статьи и очерки

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1958

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Горнозаводский фольклор	5
Первые русские писатели Алтая	20
Публицист и поэт	31
Иван Тачалов, человек страшной жизни	40
История двух песен крестьян села Павловского	56
Алтай в жизни и творчестве Вячеслава Шидкова	64
Александр Новоселов	71
Степан Исаков	78
Агулипрок	83
Горький и Алтай	88
Две книги — две судьбы	95

Раппопорт Григорий Павлович
СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО АЛТАЯ

Редáктор *К. Растегаев.*

Художник *Р. Гимон.*

Технический редактор *Е. Гринь.*

Корректоры *М. Тагина, Г. Чепуштанова.*

Сдано в набор 13. I. 1958 г. Подписано к печати 27. II. 1958 г.
АГ 03363. Бумага 84×109^{2/3}, б. л. 156, п. л. 313 усл. п. л. 513
уч. изд. л. 4,4. Тираж 12000 экз. Заказ № 231 Цена 1 р. 80 к.

Алтайское книжное издательство, Барнаул, Льва Толстого, 29.

Типография № 1 Полиграфиздата Барнаул, Льва Толстого, 29.

ОТ АВТОРА

Поднявшись на гору, человек инстинктивно оглядывается назад, на пройденный путь. С высоты сороковой годовщины Октября, мысленно измеряя пройденное, кажется, что миновали не десятилетия, а целые века так непостижимо велики социалистические завоевания советского народа.

Эта книжка — о людях и делах давно минувших дней, ставших уже историей, о прошлом Алтая неразрывной части нашей Родины.

Дореволюционный Алтай — одно из белых пятен в литературной географии страны. Между тем, пусть менее значительный, чем центральные области, Алтай внес свой вклад в русскую литературу, в общенациональный фонд культуры.

Этому вкладу посвящены «Страницы литературного прошлого Алтая». Предлагаемые вниманию читателей литературно-краеведческие статьи и очерки знакомят с богатым устным народным творчеством и русской литературой Алтая, в которых ярко отражена предшествовавшая Великому Октябрю длительная, героическая борьба многих поколений борцов за свободу.

Книжка рассказывает о сказителе русских былин алтайском крепостном крестьянине Леонтии Тупицыне и фольклористе С. И. Гуляеве; о старых и советских писателях, чьи жизни и творчество до революции тесно связаны с Алтаем.

Прожив здесь четыре года в политической ссылке, Леонид Блюммер еще до Мамина-Сибиряка выступил в русской литературе с романом о золоте. А книгу-памфлет

крестьянина Тимофея Бондарева царская цензура так и не допустила к русскому читателю. После тщетных попыток Л. Н. Толстого издать ее в России, книга Бондарева впервые была выпущена в Париже, на французском языке.

О двух барнаульцах — Иване Кушевском и Иване Тачалове. Они жили в разное время. Литературное наследство Кушевского, которому покровительствовал Н. А. Некрасов, до сих пор остается одним из лучших художественных памятников бурной эпохи 60—70 гг. прошлого столетия. Иван Тачалов — певец первой русской революции 1905—1907 гг. и вошел в русскую литературу, как и многие другие писатели Алтая, благодаря помощи А. М. Горького. Но как много общего в их страшной жизни, раздавившей при капитализме не один талант, которыми всегда был богат Алтай.

Александр Новоселов, Степан Исаков, Арсений Жиляков — о них и других незаслуженно забытых писателях дореволюционного Алтая, о книгах и судьбах их авторов рассказывается на этих «Страницах». Автор не претендует на полное освещение темы — литературное наследство Алтая требует еще дальнейшего изучения.

Оно представляет особый интерес потому, что жизнь и творчество дореволюционных писателей Алтая, напоминая о мрачном прошлом края, помогают читателю узнать его, чтобы сравнить со своей чудесной действительностью и лучше оценить значение творимого нами настоящего и еще более прекрасного коммунистического будущего.

•

ГОРНОЗАВОДСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Первые русские поселения на Алтае, как известно, появились еще в XV веке — задолго до похода Ермака и официального присоединения Сибири к Российскому государству. Село Молоково, например, находящееся недалеко от современного города Камня на Оби, возникло еще в 1451 году, а село Белоярское близ Барнаула ведет свою летопись с 1526 года. Первыми поселенцами этих и других старейших русских сел, возникших во владениях монгольского княжества — Джунгарии, были беглые люди из-за Урала. Это были бежавшие от крепостной кабалы крестьяне, искавшие свободу от непосильного каторжного труда мастеровые уральских заводов.

Беглые пополняли население Алтая и позднее, когда началась русская колонизация Сибири. Алтай слыл привольным краем, где можно якобы укрыться от властей и получить желанную свободу. Издавна широкое распространение, особенно среди угнетенного трудового крестьянства, имела легенда о «праведной земле» — «Беловодье». По преданиям земля эта вначале предполагалась где-то в горах Алтая. Ее рисовали, как «край вольный, обильный всеми житейскими потребностями и удобный для заселения в каких угодно местах».

Природные богатства Алтая привлекли внимание известного уральского горнопромышленника Акинфия Демидова. В двадцатых годах XVIII века им были основаны на Алтае рудники и заводы, перешедшие затем в ведение «императорского Кабинета».

Огромная территория современного Алтайского и части Красноярского краев, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей и части Казахстана — территория в 400 тысяч квадратных километров, на которой были расположены демидовские заводы и рудники — стала собственностью царской семьи. Эта царская вотчина получила название «Округ Колывано-Воскресенских горных заводов», а с 1834 года — Алтайского горного округа.

Управление округом было в Барнауле, где находился сереброплавильный завод. Существовали также заводы в рабочем поселке Павловске, Колывани, Локте и других местах. Под Змеиногорском, в Салаире, Риддере и других районах находились рудники, в которых добывали серебро, золото, свинец, медь. К заводам и рудникам были приписаны крестьяне окрестных сел. Из их среды путем рекрутских наборов вербовались мастеровые.

Но первых квалифицированных рабочих Демидов завез на Алтай из своих уральских владений. Много мастеровых было завезено также из дальних северных губерний Европейской России.

В Барнауле есть Большая и Малая Олонские улицы. Раньше эти улицы назывались Олонецкими. Первыми жителями здесь были переселенцы из Олонецкой губернии (нынешняя Карело-Финская АССР), которые основали и некоторые близлежащие к барнаульскому заводу села.

Север в то время уже потерял свое былое значение. В первой части XVIII столетия Петр I завоевывает юго-восточные берега Балтийского моря, а постройка Петербурга открывает новое «окно в Европу». До этого русская торговля с границей шла через Белое море. Оживленный путь к нему лежал через север, который был тесно связан с культурой Новгорода и Москвы.

Север нашей Родины по сей день сохранил главные богатства русского былинного эпоса, передававшегося из поколения в поколение, и до сих пор славится своим замечательным народным творчеством.

Многие весьма древние варианты общерусских сказаний и песен были завезены на Алтай из далекой лесотундры северянами, а также скоморохами — беглецами из административных центров, и раскольниками — искалеченными «Беловодья».

Барнаульский общественный деятель краевед Степан Иванович Гуляев еще в 1839 году писал об эпической

традиции на Алтае, назвав ряд имен сказителей, из которых особенно выделялись Семен Иванович Божин и Иван Максимович Калистратов. «Сказки первого из них были различного содержания, — писал Гуляев, — и те, которые заключали в себе богатырские подвиги витязей русской земли, отличались особенно плавным рассказом». У второго Гуляев «...слушал «поэмы», которые состояли из белых стихов совершенно такого же размера, как поэмы Кирши Данилова. Сходны они с ними и по содержанию и по напеву».

Позднее Гуляев познакомился с несколькими другими сказителями-былинниками, из которых самым замечательным был крестьянин деревни Ересной (под Барнаулом) Леонтий Гаврилович Тупицын. Этот певец унаследовал свой репертуар от отца, который, в свою очередь, перенял его от своего отца, то есть деда Леонтия Тупицына — уроженца Олонецкой губернии. Таким образом, в семье Тупицыных хранились былины в течение трех поколений. Кроме былин, — указывает Гуляев, — «Тупицын знал много народных песен, обрядовых, круговых, сказок и поверий».

Леонтий Гаврилович Тупицын, крепостной кабинетских земель, потерявший зрение в 1863 году и умерший в 1878 году, передал С. И. Гуляеву много былин, которые вошли в изданный в 1894 году сборник под заглавием «Русские былины в старой и новой записи».

О своем первом свидании с Тупицыным в 1871 году Гуляев сообщал следующее: «Деревушка Ересная — небольшая и крайне бедная — основана прадедом Тупицына при постройке Демидовым Барнаульского завода. Тупицын жил с семьей в маленькой кое-как сколоченной из тонких бревешек избе, без сеней, с дверью прямо на улицу. Когда мы вошли в избу, Тупицын «топтал» (валял) сукно в корыте, держась руками за жердь, укрепленную подле стены. С печки выглядывало четверо мальчуганов в теплых шапках. Жена мыла горшки и чашки. Обстановка была самая жалкая».

В такой обстановке жил Тупицын, хранивший в своей памяти огромные богатства устного творчества своего народа, который любил и уважал сказителя за свежие образы, яркие краски и исключительное мастерство исполнения.

Прослышав об этом, знаменитый натуралист Брэм,

во время посещения Барнаула в июне 1876 года со своими спутниками Финшем и Вальдбург-Цейлем пожелал увидеть Тупицына. Вызванный в Барнаул, сказитель пропел на квартире Гуляева по несколько стихов из былин и песен, выбранных хозяином из уже составленного им сборника по особому характеру мелодий. «Знаменитый путешественник, — свидетельствует Гуляев, — сидя против певца, не сводя глаз с него, внимательно слушал пение».

Во многих былинах Тупицына действие происходит в «алтайской сторонушке»: на горе Змеевой, у Кольванозера, на Оби-реке. В свои былины про Илью Муромца, Добрыню Никитича, а также в свои исторические песни о Степане Разине, Суворове, Кутузове и других богатырях земли русской Тупицын внес алтайский колорит. В этом — основная ценность записей Гуляева. Они в то же время показывают, что население Алтая бережно хранило общенациональное достояние русского народа.

В образах свободолюбивых, независимых, способных постоять за себя русских богатырей, трудящиеся Алтая черпали силу, надежду на грядущую победу.

Былины и песни Алтая, собранные С. И. Гуляевым, представляют богатую сокровищницу русской народной речи, речи образной, выразительной, богатой, изобразительными средствами. Не случайно поэтому публикации С. И. Гуляева привлекли внимание Н. А. Добролюбова, их изучал и великий русский драматург А. Н. Островский.

Былины и песни Южной Сибири, собранные Степаном Ивановичем Гуляевым, за последние годы дважды переизданы. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что советские люди берегут подлинно народное творчество прошлого.

«Советский патриотизм, указывал М. И. Калинин, — берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса». Как величественное отражение минувших битв русского народа за свою национальную честь и государственную независимость, образы богатырей из народного эпоса завещают советским людям идеалы патриотического служения Родине.

Русская былинная традиция, несомненно, сказалась в большом и богатом наследстве дореволюционного ал-

тайского народного творчества, которое с давних времен неотступно и своеобразно сопутствует истории края.

Не случайно известные наиболее ранние русские рабочие песни были записаны именно на Алтае. Они включены во многие антологии как показательный памятник старины и образец рабочего фольклора России.

Сейчас нам трудно даже представить крепостнические Колывано-Воскресенские заводы с их горно-военным строем, при котором трудящийся был буквально бесправен. Над ним глумились и издевались, как только могли.

Обреченные на пожизненный тяжелый труд, мастеровые были предоставлены произволу управляющих, уставщиков, нарядчиков и прочего большого и малого горного начальства. Состоявшее из воинских чинов, оно пользовалось неограниченной властью: и хозяйственной, и политической и судебной. Они могли морить людей на работе, могли нещадно наказывать мастеровых, забывая их иногда до смерти.

Все это нашло отражение в песне змеиногорских рабочих, рисующей военно-крепостной строй на царских заводах Алтая:

О, се горные работы!
Скажем, горные работы,
Оне всем дают заботы.
Офицером быть не скучно,
При сем быть им неразлучно,
А наш пристав, офицеры, господа

(Здесь в печатном тексте по-видимому пропуск строки).

Все неправности несли
Постояли, да ушли.
Ой, вы, бедны бедняки,
Первой части бергалы,
Все вы знаете заботу,
Как ударят на работу!
На работу бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой, ты, свет паша умильна
Змеевская плавильна!

Тонко, громко в доску бьет,
К себе в гости зовет.¹

Далее в песне изображается сам * трудовой процесс, перечисляется употреблявшийся инструмент и инвентарь:

Подле шнурик, подле бок
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток,
Настилаем в шахту смесь
О четыреста пуд вес;
В одну смену все сожечь
Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат...
Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин² был богат!
Есть шершнебочка весела,
Речка валом обнесена;
С переулка третий дом —
Бита Миниха кнутом.
Ой, вы, бедны бедняки,
Пятой части парняки!
Все вы знаете заботы!
На работы бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Вот и слушаем опять,
Как ударят часов в пять,
И решетки загремят —
Наше сердце уныват
Инструмент нам принимать:
Болотки и гребки,
Рудобойны молотки.

В едкой иронической характеристике «хозяев» и их подручных по насилию и произволу сквозит классовая ненависть, которой пронизана песня:

По фонтанам воду пустят,
Наше сердце приопустят.
Мы примамся работать —

¹ Записано Е. И. Парамоновым в Барнауле у бывшего змеиногорского мастерового. «Томские губернские ведомости», 17—18, 1865 г.

² Фамилия уставщика.

Золоту руду катать.
Как подрядчики на нас
Не косили б своих глаз,
Не грозили бы рукой,
Не стращали бы лозой.
Ой, вы, братцы бергалы,
Пятой части молодцы!
Поиграем в молотки,
Разобьем руду в куски.
Оберштейгер-старичок
Чтобы не дал нам пинок,
Как кончаем урок свой;
Так отпустят нас домой.
А домой когда пойдем,
Громко песни запоем.
Мимо Медера пойдем,
Мимо Кенига пойдем,
На базарочек зайдем,
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем.

Дошел до нас и более поздний вариант этой песни, претерпевший со временем большие изменения. Исполнители сократили текст, внесли в него свои поправки. Примечательно, что песню рабочих кабинетских заводов можно от стариков и сейчас еще услышать в горнозаводских районах. Приведем другой ее вариант:

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат...
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб подрядчики на нас
Не косили своих глаз.
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробим наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч...

Да оттудова валится,
О чем петь нам не годится.

Не лучше была жизнь и горняков на рудниках, которые давали сырье для Колывано-Воскресенских заводов и служили источником наживы царской семьи. В штольнях Змеиногорского рудника на глубине 50 и 100 метров хорошо сохранились выработки, где жили каторжане-горняки. Именно жили. Им не разрешалось видеть свет и дышать свежим воздухом. На втором горизонте при выходе в шахту, ведущую в нижние штреки, выложен из гранита проход. Сюда загоняли работать шахтеров и закрывали проход монолитной чугунной стеной, чтобы предотвратить побег. Там же, в этом подземном каземате, был сооружен еще каземат, куда бросали провинившихся, заковав в кандалы.

Под землей была и часовня. В мрачную каменную выработку, освещенную восковыми свечами, чиновники сгоняли шахтеров молиться богу и просить... «рай на небе».

Смерть косила обездоленных, изнуренных шахтеров. Но и после смерти их не выносили на поверхность земли, отпевали в шахте, в специально устроенной мертвецкой, куда по винтообразной лестнице спускался поп, чтобы произвести церковный церемониал над умершими.

Их место занимали новые работные люди, пригнанные из разных мест.

Глубоким драматизмом наполнена песня молодых рудокопов, державших путь на Змеиногорск:

На разбор нас посылают,
Шибко нас дерут и мают
И сами за что не знают
В отдаленные края посылают...
Поедем в Бельмесеvu,
Запоем песню веселу.
Проедем в Шадрину,
Растеребим старшину,
Приедем в Саушку,
Попросим бабушку
Накормить, напоить
И спать положить,
Утром встанем,
Кошельки свои достанем,

Сухариков поедим
И вдаль поглядим:
Видать на горке, на горе,
На высокой, на крутой,
Над плотиной, над водой
Стоит рудник, Змеев золотой
Да нам противный он какой!

Описанный переход в Змеиногорск характеризует практиковавшуюся посылку подростков и даже детей мастеровых с заводов на рудники. С семилетнего возраста мальчики привлекались к разборке руд и прочим «легким» работам. «Служительские дети» из всех заводов «к маю месяцу в рудники высылаются, а к октябрю паки в дома к отцам своим возвращаются»—так устанавливалось действовавшим положением о заводах. Фактически же оторванные от дома и родителей, дети оставались на рудниках и эксплуатировались наравне со взрослыми. Немногие мальчики, пока им исполнялось 10 лет, а с 1828 года — до 12-летнего возраста, определялись в рудничные школы, которые посещались четыре зимних месяца, остальные 8 месяцев дети работали.

К двадцатым годам XIX века количество таких «школьников», используемых в заводских работах, достигало 5000 человек и составляло почти одну пятую часть всех рабочих.

По мере обеднения руд и необходимости разбора значительно больших их масс, количество малолетних разборщиков увеличивалось. Кабинету выгоднее было это, ибо «школьникам» за одинаковую работу платили в четыре раза меньше, чем взрослым рабочим.

Начальник штаба горных инженеров Чевкин в 1836 году признавал, что «мальчики, употребляемые для разбора руд, работали на открытых площадках, либо в холодных сараях и сидя на полу». Ютились дети где попало — казарм не хватало. Работали наравне со взрослыми и в ночную смену.

В песне подростков, отразившей картины этого непосильного труда, мы находим такое горестное заключение:

На промывке, на ручной
Есть нарядчик непошной,
Он идет, шары устави,
Работать нас застави

Ходит — нас розгами дерет
И на голове волоса рвет.
В праздник робить заставляет
И сам за что — не знает.

Жаловаться не знаем кому
Только богу одному,
До него высоко,
До царя далеко.

И говорим: — ох-хо-хо,
Житье нам плохо.
В казарме мы живем,
Хлеб с водой только жуем.

С работы убежим,
По целым дням в кустах лежим.
Нас поймают и тогда до смерти
Задирают и замают.¹

Каторжный труд усиливал бегство рабочих с заводов и рудников. В 1826 году 40 крестьянских семейств из села Солоновки бежали к китайской стороне и образовали там позади сторожевых караулов целое урочище. Бежали они, оставив свои дома, захватив с собою все имущество.

В рапорте генерал-губернатора об этом побеге отчасти раскрыты его причины и планы бежавших: «Причина их побега была та, чтоб, поселившись за границей, между гор, на свободном, никем не обитаемом месте, пользоваться свободой и, не быв совершенно ни от кого зависимым, не платить подушной подати; не нести прочих повинностей и не отправлять заводских работ до того времени, доколе не будут открыты».

Часто бежали работные люди искать себе волю в Бухтарминское ущелье. И не одна сотня беглецов поплатилась за вольную Бухтарму — тысячи людей легли под кнут и не встали больше. В 1847 году «Тюменцеву за побег из службы положенное наказание шпицрутены сквозь строй через пятьсот человек один раз на месте экзекуции в крепости Барнаульского завода нами учинено». — Так

¹ Е. П. Семевский, Рабочие на Сибирских золотых промыслах. С. П. Б., т. I, стр 286—287, 1898 г.

гласит архивный документ — «эксекуционный лист», подписанный прапорщиком, подпрапорщиком, капитаном и лекарем. Часто порка людей за неповиновение начальству производилась при участии «духовного лица — священника со крестом».

И о побоях была сложена песня, которую пели, бредя сквозь «строй» под рощей поднятых таловых или березовых палок. Песня эта иронизировала над участью рабочего люда:

Ах, и трудно нам, ребятушки,
Под рошицей стоять.
Но еще того труднее
Сквозь зеленую брести.

Нередко жертвы порок состязались в терпении. Они не только не просили пощады, но из них не могли «выбить» ни одного стона. Когда их начинали драть, они брали в зубы полы армяка для того, чтобы не услышали их стона... За упрямство им прибавляли, но они все-таки молчали до конца.

Предельное бесправие, система непрерывного террора отражены в многочисленных преданиях, до сих пор бытующих в старых горнозаводских районах края. Одно из таких преданий рассказывает:

«Тишка, локтевский управитель, никогда кулаком не бил. Руки сложит, как на молитву — ладони вместе и раз... Больней чем кулаком-то.

Стал он уже стар. С костылем ходил. Если плавильщиком не доволен — поставит костыль свой в плавню и говорит:

— Отдыхать пойду, а ты смотри у меня!.. Повинуйся ему (это костылю-то), как мне.

А то возьмет казаков и квартального и только стемнеет — в объезд. Высматривает — где в каком доме огонек. Посылает казака поглядеть в окно.

— Ну, что они там?

— Мужик, ваше благородие, чирки починяет, а баба чембары чинит.

Берет Тишка на заметку. Дальше едет. Опять огонек, казак слезает с коня. В окно глядит.

— Здесь, ваше благородие, на столе самовар!

Назавтра утром собираются все на раскомандировку. Тишка делает осмотр.

— Эй, дать ему двадцать пять! Это тому, у кого вчера на столе самовар был».¹

Драли за то, что «на столе самовар был», «что твоя баба на завалинке сидела», за то, что... «перевыполнил заданный урок».

Один старик рассказывал до революции жившему на Алтае писателю Г. Гребеншикову:

«Николай Николаевич, уставщик-то наш, лютый был до розги, дай бог свято почивать: как заметит, что каторжный-то плохо дерет, вырвет розгу-то, да сам и зачнет, и зачнет».

Другой старик припомнил такие подробности:

«Рассерчал, да всех их в чан, в воду со льдом по горло и посадил... Посадил, да и забыл видно: гости у него были, жена именинница была... Ну кто покрепче — подрожал, а девятеро ко дну пошли, замерзли... Стали их выгружать, да и тех, живых-то, в холодильник тащут... Они и молят из милости: «батюшки, живы, дескать, мы еще». «Э-э... домерзнут, — говорит пристав, в холодильнике, тащи их туда».

Что касается прохождения сквозь так называемый «строй», то это была одна из наиболее обычных мер наказания. Нередко «запарывали» насмерть, и если наказываемый лишался сознания, не успев получить положенное число розг, то добавляли после, когда вылежит в лазарете. Бывало, что и мертвому досчитывали остальные.

В Барнауле даже существовала «экзекуционная камера», в которой «для порядка и благоденствия государственного» рабочих людей пороли розгами. Темная и сырая, нетопленная «камера» с обвалившейся со стен штукатуркой хранила долго не просыхавшие следы порок, кровавых брызг, холодного пота измученных тел.

От этого призола рабочие бежали с заводов и рудников.

— Беглецы от чего бежали? — спрашивает один из рассказчиков легенды и отвечает: — Сегодня дерут, завтра дерут — ну, человек и думает: хоть день — да мой, волей подышать.

¹ Легенда «Повинуйся костью», записана А. Мисюровым в 1937 году со слов братьев Колмогоровых — потомственных рабочих Локтевского района. — Сборник «Легенды и были», Новосибирск.

Образовались целые селения беглецов из «безымянных» людей: беглых солдат, крепостных рабочих и приписных к заводам крестьян.

В сохранившихся архивных делах о побегах мы находим десятки документов «о ложном показании на себя убийства». Люди добивались каторги, как избавления от жизни более тяжелой, чем царская каторга. Время от времени мастеровые устраивали бунты, подымались для отпора угнетателям.

Горнозаводский фольклор хранит память об этих бунтах, которые являлись протестом против неслыханного самоуправства горных начальников и изнурительного крепостнического труда.

Основой большинства дошедших до нас легенд о беглецах с кабинетских заводов являлись действительные факты. Героями многих легенд стали братья Белоусовы, Криволуцкий и Селезня, выступающие всегда защитниками слабых и обездоленных.

«Какой бедняк попадается Криволуцкому, нет на нем ничего — одежду с себя снимает, отдает» — говорится в одной легенде. Из другой мы узнаем о братьях Белоусовых, что «богатым от них было худо. Бедный же народ им не противен и они были не противны народу. Беглецам от народа уважение было».

Эти герои, взятые из жизни, наделены богатырской силой. О братьях Белоусовых рассказывают, что «ежели кто в них выстрелит — пулю в ладонь ловили, а то в подол рубахи, и через плечо бросали». Или «поймают Криволуцкого, закуют — железо не держит. Ногой тряхнет — и все!»¹

Покойный поэт — колхозник В. Бельков записал у себя в Мамонтовском районе легенду про Селезню, в которой говорится:

«Начальство заводское и волостное пыталось не раз изловить Селезню, да все не удавалось. То, бывало, на плотике прутяном заберется в займища озерные, а если на пути где перехватят — разгонит. Вот один раз удалось окружить Селезню. Ну, думают, теперь не уйдешь. Сначала пробовали живьем взять, да видят не таков человек, чтобы живьем сдался. Давай стрелять в

него, а он только насмехается. Пуля его не брала — заговор, что ли, знал такой.

— Эх, вы, — говорит, — псы дворовые, шкуры наемные!

Подойдет к одному, к другому, ружье отнимет, а того человека обратит лицом прочь, да руки скрутит • за спину. Так и перевязал всех».

Яркое отражение в горнозаводском фольклоре получила глубокая ненависть рабочих к своим эксплуататорам-крепостникам. Один из вариантов приведенной выше песни змеиногорских рабочих неизвестный автор кончает словами, полными иронии:

Как урок мы кончим свой,
Всех отпустят нас домой;
Мы по улице пройдем,
Громко песню запоем:
Как начальство любит нас,
Как начальство дует нас.

Население горнозаводского Алтая было почти сплошь неграмотным. «Неписанная» литература — фольклор был в то время средством культурного общения трудящихся. У многих безымянных рабочих песен и легенд, бытующих в крае и поныне, несомненно были авторы, но установить их имена сейчас невозможно. Многие бунтарские, революционные песни вместе с их носителями были загнаны царизмом в ссылку на далекий Алтай и здесь сохранились до наших дней.

Певцы и сказители, передавая настроения рабочих людей, негодовали против социальной несправедливости, звали на борьбу со злом и насилием.

Дореволюционный фольклор Алтая носит в себе отпечаток многострадального исторического пути трудящихся края, напоминает славные страницы его прошлого и представляет не только литературно-художественный, но и общий познавательный интерес.

Народной мечтой были легенды о свободе и чуть ли не райской жизни в мифическом «Беловодье», которые впоследствии легли в основу ряда художественных произведений об Алтае. У истоков этих произведений, несомненно, лежит богатое устное народное творчество края. Отголоски его живут и на страницах художественных произведений многих современных авторов.

Проникнутый идеями освободительной борьбы, запечатлевший славную историю края, дореволюционный фольклор Алтая до сих пор продолжает волновать не только стариков, но и молодежь, не знающую прошлого. привлекает внимание краеведов, историков и литераторов.

В поэтических легендах и сказках, в дореволюционных заунывных протяжных песнях, в мудрых поговорках, метких пословицах и других видах народного творчества нашли яркое выражение душа народа, его тяжелая доля, его заветная мечта о светлом будущем, о свободной и счастливой жизни — мечта, ставшая явью наших дней.

•

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ АЛТАЯ

Далекий от центра горнозаводский Алтай долгое время находился вне поля зрения русской художественной литературы. Первое упоминание о Барнауле мы находим в этнографических очерках, появившихся в начале XIX века в столичной прессе.

Авторы этих очерков — чиновники кабинета и путешественники, побывавшие на Алтае, не могли удержаться от соблазна описать увиденное и поразившее их на далекой окраине Российской империи. По свидетельству В. Вагина «Барнаул уже в 1817 году по своему культурному уровню стоял выше других городов Сибири и отличался образованностью своего общества, утонченностью его образа жизни».

О «прекрасном обществе» Барнаула можно прочесть и в романе В. Соколовского «Двое и одна или любовь поэта», изданном в 1834 году. «В Барнауле, — писал автор, — почти весь круг мужчин состоял из людей, хорошо образованных и, кроме того, многие из молодежи очень и очень не напрасно посвящали свой досуг музыке, пению и театру».

Галопом прокатившись по округу Колывано-Воскресенских горных заводов, авторы подобных описаний судили о жизни Барнаула по роскоши домов горных офицеров, в которых бывали сами, видели их «утонченный образ жизни», но не замечали голода и страданий основных масс крепостных работных людей.

Горькая правда мрачной жизни на Алтае нашла отражение в более поздних произведениях, написанных политическими ссыльными и появившимися местными писа-

телями — выходцами из народа. При всей жестокости цензуры их реалистические произведения объективно рисуют настоящую жизнь Алтая: с нищетой и стоном вольных и подневольных каторжников — с одной стороны, и зверским произволом их эксплуататоров, роскошествовавших царских чиновников и крепостников — другой.

В одном из очерков, печатавшихся в журнале «Отечественные записки» за 1875 год под общим заголовком «Не столь отдаленные места Сибири», автор описывает Барнаул — весь черный от угля и шлака. Устами своего собеседника писатель говорит о преобладании в городе черного цвета: это — цвет горнозаводских дел.

— О благополучии рабочих, — говорит тот же собеседник, — заботятся до того, что они совсем голы остаются... Оттого рабочий и зовется несчастненьким, что уж очень много «заботятся» о его счастье.

Яркие картины старого алтайского рабочего быта мы находим в первой части романа «Около золота», опубликованной в петербургском журнале «Заря» за 1871 год. Роман так и не был продолжен, но в сюжетном отношении это — вполне законченная книга и в 1885 году она вышла отдельным изданием под названием «На Алтае».

Автор книги Леонид Петрович Блюммер был сослан на Алтай в 1866 году, жил на золотом прииске в алтайской тайге и бывал в Барнауле, где происходит действие романа. Его герои — молодой штейгер из рабочих Никита Гурин, забитый и приниженный, но «пьяный на работу» Макарка Перебеднев и другие работяги, которых Блюммер описывает с явным сочувствием.

Демократический характер носили и произведения первых алтайских писателей, посвященные родному краю. Суровая и своеобразно красивая природа Алтая в них сливается с вольнолюбивым мотивом, который слышался в народных песнях, легендах и былях.

В 1825—1826, 1840, 1858 и даже после «отмены» крепостного права — в 1861 и 1868 гг. на Алтае вспыхивали своеобразные народные движения, выражавшиеся в том, что целые деревни бросали пашни и дома и, предводительствуемые «бог вдохновенными» начетчиками, уходили, куда глаза глядят, искать «Белые воды». Границы мифической счастливой земли время от времени отодвигались все дальше от Алтая.

Алтайский поэт И. Глушаков едко высмеял легковерие коробишинских крестьян, поддавшихся на удочку ловких аферистов и распродавших за бесценок все свое имущество, чтобы налегке уйти искать таинственную свободную страну. Вот его сатира на раскольничье «Беловодье»:

Рассказал казак Богданов
Коробишинским крестьянам,
Что в верховьях Енисея
Можно жить, хлеба не сея,
С горя не тужить!

Что места там так богаты
Всякой божьей благодатью:
Зверем, птицею и рыбой,
Что смело бери на выбор,
Живи, не тужи!

Что в полях там много ягод,
Что зараз нарви хоть на год.
А рогатые маралы
И пугливые олени
Сами лезут прямо в сени!

«Что вы киснете здесь, други?
Подтяните-ка подпруги,
Да и марш за мною в путь!» —
Говорил казак лукавый,
Ударяя себя в грудь:
— Славно заживем!

От двухперстного креста
Сгиб давно антихрист там...
Табаку нет и в помине!
Будем вешать на осине
Чаепивцев заклятых!..

«За известье ж это, братцы,
И открытие страны
Уплатить рублей сто двадцать
Вы артелью мне должны...
Вздорная цена!»

И прельстясь страной богатой,
Деревенский наш ходатай,

Сын Евстафья — Михаил
С жаром вдруг заговорил:

«Верно, мужики!
Будет дрыхнуть нам, ребята,
Заживем теперь богато,
Смело двинемся вперед!
Дружно и ура!»

* * *

Загудел крестьянский люд,
Бабы стонут, крынки бьют...
Мужики ходят на воле,
Не хотят работать боле,
Все распродают...

На мирском на сельском сходе
Объявляют о походе
И под верное рученье
Просят дать им увольнение...
И пошла писать губерния!
Все крестьянское имение

Всяк спешит скорей продать,
Чтобы в путь не опоздать,
Сразу порешить!

* * *

Но погиб наш Енисей,
Когда Лямкин Евстигней,
Волостной наш старшина,
Как из ада сатана,
Дело разрушил!

Сообщил он по начальству
(Подивитесь-ка нахальству!),
Что в бродяги мы идем
И семьи туда ж ведем...
Скверно поступил!

Очень долго горевали,
Что пачпортов не давали,
И уверились теперь,
Что в рай заперта нам дверь...
Надо сеять хлеб!

Все работы полевые,
Как и прочие другие,
От спасительных попыток
Принесли один убыток,
Бедствие одно.

Как синица в басне старой,
Одержима бесом славы,
Море вздумала зажечь,
Точно блин в печке спечь...
Дурья голова!

Она моря не решила,
Только славу распустила...
Так и мы с своим походом
Провозились, как с уродом,
Смех лишь завели!

Но о славном Енисее
Вспоминаем и доселе...
Как Адам тужил о рас,
Так и мы об этом крае
Будем тосковать!

Сам Иван Глушаков родился на Алтае в семье крестьянина. Опубликовавший его сатиру на раскольничье «Беловодье» в «Сибирском архиве» (книга 7 за 1912 год) В. Герасимов сообщает некоторые данные о поэте. Он учился в Барнаульском горном училище и в Петербургском технологическом институте, но курса не окончил и был выслан на родину, вероятно, за либеральные высказывания. После этого Глушаков устроился на Алтае сельским писарем в селе Коробиха, где, в конце концов, спился и погиб.

По сообщению Герасимова, Иван Глушаков написал много стихотворений, которые «по красоте и проникающему их чувству могли бы сделать честь первоклассному поэту». Стихи эти до нас не дошли. Страшная социальная действительность алтайской вотчины русских царей сгубила Глушакова, как и многих других талантливых людей, выбившихся из народа.

«Отцвел, не успев расцвести» автор прогрессивного романа «Николай Негорев или благополучный россиянин» — Иван Афанасьевич Кушевский. В романе он

обличает ренегатство части интеллигенции, играющей в либерализм, зло высмеивает мещанскую сущность перерожденцев и со всей горячностью ратует за революционное движение. Пользовавшийся большим успехом, особенно у революционной молодежи, роман принес его автору всероссийскую славу. Имя И. А. Кушевского было очень популярным в семидесятых годах прошлого века, как одного из крупных русских писателей-разночинцев. Высокую оценку его творчеству давали такие взыскательные художники слова, как Н. А. Некрасов, В. М. Гаршин и позже — А. М. Горький.

До последнего времени биография И. А. Кушевского оставалась мало изученной. Не было установлено даже место рождения писателя — предполагали не то Ачинск или Тобольск, не то Барнаул или Томск. А в последнем сборнике «Маленьких рассказов» (Новосибирское областное издательство, 1937) автор предисловия безапелляционно утверждает, что Кушевский вообще не является уроженцем Сибири, а пробыл здесь несколько лет в политической ссылке.

Обнаруженные в Алтайском краевом государственном архиве материалы кладут конец различным кривотолкам биографии писателя.

Иван Афанасьевич Кушевский родился в Барнауле в 1847 году в семье титулярного советника, служившего мелким чиновником Алтайского горного округа. По окончании Барнаульского горного училища он поступает в Томскую гимназию, а в 1866 году отправляется в Петербург, рассчитывая продолжить образование в университете.

Действительность разбила эти расчеты. Неимущему юноше с Алтая без знакомств и помощи влиятельных особ поступить в университет оказалось невозможным. Очувшись в столице без копейки денег, будущий писатель вынужден был наниматься то чернорабочим, то кузнецом, то грузчиком.

Началу литературной деятельности И. А. Кушевского, как это ни странно, помогло... заболевание тифом. Об этом он вспоминал позднее:

«Больница излечила меня от тифа и от моих глупостей.

Рядом со мной лежал какой-то жалконький сотрудник «Петербургского листка». Он был человек добрый и

по-больничному денежный. Раз, к великому моему удивлению, я узнал, что он получает за свои литературные работы 15; а то и 20 рублей в месяц.

Подумав о литературе, я как-то вдруг вдохновился... Как бы то ни было, я раздобылся у фельдшера бумагой и принялся за работу. Через неделю был готов этнографический очерк и с великими хлопотами отправлен в редакцию одного ежемесячного журнала, теперь уже не существующего, но до шестьдесят шестого года занимавшего первое место в русской литературе. Я так уважал этот журнал, что отправил туда свое сочинение как будто на смех, в полной уверенности, что там такую дрянь выбросят в помойную яму. Каково же было мое счастье и удивление, когда я получил письмо следующего содержания: «Ваш очерк будет напечатан. Потрудитесь известить, где и когда можно с вами видаться, чтобы переговорить об условиях гонорария. Если вам нужны деньги, потрудитесь также упомянуть об этом, чтобы я захватил с собою номера».

Он — сам, он — тот гений, сочинения которого я знаю наизусть, которого я боготворю, увидав которого, вероятно, паду к ногам и слижу ему всю ваксу с сапог — сам он собственноручно пишет ко мне: жалкому, убогому и ничтожному!

Меня просто трясла лихорадка...

Едва ли менее меня был обрадован этим письмом мой сосед по кровати — обличитель.

— Покажите, голубчик, покажите! — молился он, когда я прятал письмо, показав ему в двести двадцатый раз:

Он брал письмо великого поэта и покрывал его горячими страстными поцелуями: оно цело и теперь у меня, но подпись слизана — все он слизал своими поцелуями.

— Ломите сразу десять рублей вперед — дадут! — внушал он мне.

Я не заломил десяти рублей, а просто написал, что очень нуждаюсь в деньгах, и — чем дадут их больше, тем для меня лучше. — Дурно я помню ту сцену, когда он приехал... У меня текли по щекам невольные, неудержимые слезы, и я не воспользовался его протянутой рукой — не осмелился протянуть свою... Я говорил все без исключения глупости; он вручил мне двести рублей и уехал...»

Этой щедрой по тем временам суммы, врученной Н. А. Некрасовым, хватило Куцевскому ненадолго. «Вдохновившись» литературой, он сблизился с петербургской богемой и быстро израсходовал свой первый гонорар. Пришлось заняться литературной поденщиной. Но гонорара не хватало на жизнь и Куцевский по-прежнему продолжал работать грузчиком.

Однажды, работая на Неве, он упал в воду, простудился и опять слег в больницу. Больной, в ужасных условиях, он здесь продолжал писать задуманный раньше свой замечательный роман.

По воспоминаниям Н. Е. Каронина-Петропавловского, приведенным А. М. Горьким в сборнике «О литературе» (Москва, 1955 г.), Куцевский в больнице жаловался фельдшеру:

— Жить я не буду все равно, но мне необходимо написать роман, вот вы и помогите в этом — дайте мне свечку. Днем писать запрещено и мешают, значит надо писать ночью, а без свечки — темно, понимаете? — Он у всех просил свечек, но думали, что это бред и не давали ему огня, он вымаливал огарки на свои больничные порции, голодал и писал, а однажды взял казенную свечу из ванной комнаты, это заметили и отняли свечку у него, а он — плакал! И все-таки написал роман...

Роман написан в форме автобиографических записок «благополучного россиянина» Николая Негорева. Это — умный и циничный карьерист, наблюдающий окружающих его либеральных болтунов из светских гостиных и метко высмеивающий их в своих записках.

В ту пору, по мере обострения классово-борьбы, большинство либералов из среды буржуазной интеллигенции отказалось от роли оппозиции и перешло на путь сговора с правительством. Став официальными или неофициальными союзниками самодержавия, представители казенного либерализма эпохи «реформ» 70-х годов оказались в лагере противников демократии и зарождавшегося народнического движения.

Среди героев романа, в противоположность либералам новой формации, выведена и фигура народника Оверина, не терпящего фальшивых либеральных слов, которые служат самоуслаждением для сытых бар, жаждущего дела, революционного действия.

В любовно, с явным сочувствием выписанном образе

Оверина — много автобиографического, показаны симпатии и политические взгляды самого Кущевского.

Напечатанный в «Отечественных записках», роман «Николай Негорев или благополучный россиянин» был тепло встречен читателями и принес талантливому автору широкую популярность и славу. Но и после этого Кущевский продолжал жить в нужде и лишениях и, надорвав свои силы в борьбе за существование, 12 августа 1876 года умер в возрасте 29 лет.

Кроме романа И. А. Кущевский написал много рассказов, очерков и фельетонов, изданных после смерти писателя отдельными книгами — «Маленькие рассказы» и «Неизданные рассказы».

В таких рассказах, как «Сеятель пустыни», «Два нигилиста», «Либеральный барин» и «Земский деятель», Кущевский продолжает развивать тему романа, ярко изображая борьбу старого и нового поколений («отцов и детей»), со злым сарказмом разоблачая всю фальшь буржуазно-помещичьего либерализма.

В других рассказах Кущевский изображает бесправное положение женщины («Бедная Лиза», «История швеи», «Тяжелая жертва»), характеризует глубокие противоречия общественного строя своей эпохи: произвол над «низшим» податным сословием и привилегии дворянства («Варадат», «Самоубийца»). Все эти рассказы — острые по своей социальной направленности, благодаря своим художественным достоинствам читаются с увлечением и сегодня.

Алтай, где писатель провел свои юношеские годы, мало отражен в его произведениях. Для алтайского читателя особый интерес поэтому представляют немногие страницы романа «Николай Негорев или благополучный россиянин», на которых, по воспоминаниям автора, описываются его годы учебы и постановка дела народного просвещения в Сибири.

До сих пор, на протяжении более 80 лет, перу И. А. Кущевского приписываются и упоминавшиеся выше очерки под общим названием «Не столь отдаленные места Сибири», которые механически включались во все изданные сборники произведений писателя. Этому в значительной мере способствовали долгое время остававшиеся незаполненными белые пятна в его биографии. И сами очерки, написанные от первого лица, в виде путе-

вых зарисовок и носящие автобиографический характер, запутали многих биографов Кушевского.

Очерки были опубликованы в седьмой книге журнала «Отечественные записки» за 1875 год под псевдонимом «Хайдаков». Расшифровал этот псевдоним, приписав его А. И. Кушевскому, автор некролога о нем в журнале «Пчела» (№ 15 за 1877 г.). Но последний ошибся.

«Хайдаков» — чужой псевдоним, ошибочно приписанный И. А. Кушевскому, ввел в заблуждение его ранних и последующих биографов, составителей сборников произведений писателя и даже такого достойного доверия старейшего советского библиографа, как И. Ф. Масанов — автора академического издания «Словаря псевдонимов». Вместе с ним были введены в заблуждение и несколько поколений читателей И. А. Кушевского.

Автор очерков «Не столь отдаленные места Сибири» начинает их следующими словами: «Когда дело мое, за которое я попал в Сибирь, выяснилось и мне дозволили возвратиться в Россию...»

Читателя эти слова настораживают. Когда Кушевский уезжал из Сибири, ему было всего 19 лет. Если допустить, что он являлся автором очерков, то надо учесть, что на выяснение указанного «дела» требовался какой-то срок и немалый, ибо царские департаменты, как известно, не спешили обычно с разбором апелляций, осужденных на политическую ссылку в Сибирь. Поэтому к моменту самого возникновения «дела» Кушевский должен был быть совсем юнцом.

Раньше, когда его биография до начала литературной деятельности не была хорошо известна, правдоподобие такой версии не вызывало сомнений. Но сейчас точно установлено, что Кушевский родился в Барнауле, учился в Томске и только в 1866 году окончил там гимназию. До этого он никуда не выезжал из Сибири и поэтому он не мог «возвратиться в Россию», где раньше не бывал, да и не нуждался в «дозволении» на поездку в Петербург, т. к. это ему не запрещалось.

В очерках есть много и других деталей, которые подтверждают сомнения насчет приписываемого им авторства Кушевского и больше того — опровергают такую возможность. Автор очерков пишет о своем первом знакомстве с Барнаулом — Кушевский же вернулся из Томска в родной город, где вырос и учился. Автор очерков

вместе с возницей остановился в Барнауле на постоялом дворе — Кушевскому незачем было искать место для ночлега в городе, где жили его родители с семьей и близкие родственники. Автор очерков пишет о Барнауле: «Маленький городок был очень роскошен; я не воображал себе таким даже голландского города негоциантов, Брука, где на улицах есть паркет и где никто не ездит в экипажах» — Кушевскому не с чем было сравнивать Барнаул, ибо он нигде не был, кроме Томска.

Кто же автор очерков «Не столь отдаленные места Сибири»? Кто скрылся под псевдонимом «Хайдаков»?

Вероятнее всего, это — Леонид Петрович Блюммер (1840—1888 гг.), автор романа «На Алтае». Дореволюционная справочная литература дает о нем такие сведения: выходец из дворянской семьи, Блюммер получил разностороннее образование и владел несколькими иностранными языками. Он жил за границей и даже выпускал там русскую газету, за что при возвращении в Россию был выслан на Алтай. Дело его действительно было пересмотрено, после ссылки в 1871 году ему разрешили вернуться и проживать в столице.

На алтайском материале Л. П. Блюммер написал роман и целый ряд рассказов («Фальшивая бумажка», «Слуга» и др.) о жизни золотопромышленников. Кстати, и в очерках «Не столь отдаленные места Сибири» основное место отведено описанию истории сибирского золота, жизни и нравам золотых приисков. В произведениях Л. Блюммера мы находим много страниц, схожих с этими описаниями в очерках. Кушевскому же золотая промышленность была незнакома и на эту тему он ничего не написал.

Роман И. А. Кушевского был переиздан в 1917 и 1937 гг. Несколько изданий выдержали и его рассказы. Произведениям Л. П. Блюммера менее повезло — они оказались незаслуженно забытыми, как и сам писатель.

Первые писатели Алтая выступили против всего затхлого, своекорыстного, мешающего расцвету человеческой личности. Пусть это был только литературный протест, но и это уже дает им право на благодарную память потомков.

ПУБЛИЦИСТ И ПОЭТ

Кто бывал на Алтайской краевой сельскохозяйственной выставке, тот невольно останавливался у памятника Н. М. Ядринцеву. Саркофаг из мелкозернистого гранита, изготовленный камнерезами Колывани, и возвышающаяся над ним колонна с бюстом сибирского публициста и поэта обращают на себя внимание. На колонне, кроме высеченных названий книг писателя, есть такая стихотворная надпись:

Желал бы я, чтоб в недра дорогие
Мой прах ты приняла, родимая земля!
Лежать в чужой земле,
Где люди все чужие,
Где чуждые кругом раскинуты поля,
Я не могу...

Николай Михайлович Ядринцев (Семилуженский) родился 30 октября 1842 года в городе Омске. Девятилетним мальчиком он переезжает с родителями в Томск, учится в гимназии, а затем отправляется в Петербург, где поступает в университет вольнослушателем. Здесь Н. М. Ядринцев встретился с будущим известным сибирским ученым Г. Н. Потаниным. Они организуют сибирское студенческое землячество, в которое в числе других вошел и будущий писатель-народник Н. И. Наумов. В землячестве впервые начали разрабатываться основные принципы движения, получившего впоследствии название сибирского областничества.

В конце 1863 г. Н. М. Ядринцев возвращается на родину, куда вскоре приехал и Г. Н. Потанин. Они органи-

зуют в Томске общество «Независимости Сибири», развертывают в печати и публичных выступлениях пропаганду своих идей. В прокламации общества, написанной Ядринцевым, говорилось: «В настоящее время правительство, доведя свой народ до разорения, пытается для удержания своей власти проводить реформы. Но... правительству нельзя верить: оно не друг, а злодей и палач народа! Его реформы есть низкая ложь и подлый обман!.. Общество «Независимость Сибири» обращается ко всем сибирякам с требованием начать воспитывать молодое поколение в любви к своей родине, сорганизоваться и подготовиться к решительному дню борьбы, дню мести и освобождения. Для достижения этого великого дня общество призывает всех любящих народ наш братски соединиться от Урала до Восточного океана в одну семью и идти искать свободы народной».

Мятежный и протестующий голос Ядринцева ограничился требованием «свободы народной» лишь для Сибири. Вместо объединения революционных сил для борьбы с самодержавием общество «Независимость Сибири» призывало к разобщению их, к отделению Сибири от России и образованию здесь республики. Объективно эта «идея» обрекала слабо развитую Сибирь на положение колонии агрессивных капиталистических стран, давно протягивавших свои хищные лапы к богатствам сибирских недр.

Прокламация, попавшая в руки царских властей, послужила основным обвинительным материалом против пылких областников. После «предварительного» трехлетнего заключения в Омском остроге они предстали перед военным судом, состоявшимся в июне 1868 года в Омске. Н. М. Ядринцев был приговорен к ссылке, которую отбывал в маленьком северном городке Шенкурске Архангельской губернии до конца 1873 года. В ссылке он продолжал прерванную литературную работу и написал ряд стихотворений и публицистических статей, помещенных в либеральных и демократических журналах того времени.

Из Шенкурска Н. М. Ядринцев в 1871 году писал также находившемуся в ссылке Г. Н. Потанину: «...На ваши пельмени (речь идет о недошедшей до нас шутке Г. Н. Потанина. — Г. Р.) я только сейчас изготовил экспромт, он написан наскоро. Не пеняйте!.. Италию срав-

чивали с сапогом, я отечество предлагаю сравнить с пельменем». Вот эта «Пельменная притча»:¹

Предок наш любил пельмени,
И как с ними свел знакомство,
Сделал он пельмень огромный
В назидание потомству.
Поразил пельмень тот видом
И своей массивной грудой;
Ровно кит заморский вышел
Он пельменем чудо-юдо.
Как и следует пельменю.
Был он с длинными ушами
И лежал между Уралом
И Амура берегами.

Не угодно ли откусать?

Предложил наш предок миру
Повалил народ российский,
Повалил ко звану пиру,
Благо был пельмень пшеничный,
Начиненный вдосталь мясом
И пропитанный рассолом,
Ровно был подернут маслом.
Стали гости его кушать
Да похваливать от сердца.
Даже жарить принялись,
Подсыпая щедро перцем.
Ели три дня и три ночи,
Говоря: «Какая туша»!..
Ели много, ели жадно,
Не могли однако скушать:
Жидковаты они были,
Не хватило у них духу.
Тот пельмень мог уместиться
Лишь купцам сибирским в брюхо.
Но на пире этом званом
Только избранные были,
А сибирские желудки
Почему-то позабыли.

Протестуя против того, что сибирские желудки были забыты при дележе сибирского пельменя, Ядринцев вы-

¹ Из переписки, опубликованной в «Сибирских записках», 1916.

ражал чаяния молодой сибирской буржуазии, боявшейся конкурентов и желавшей самостоятельно эксплуатировать богатства Сибири и ее трудящееся население. Отсюда и разговоры о «самобытности» Сибири, и лозунг «Сибирь для сибиряков», и стремление к свержению московского мануфактурного ига, к отделению Сибири от России.

Эти сепаратистские настроения нашли отражение в ранних стихах и первых публицистических выступлениях Н. М. Ядринцева. Но вскоре он переключает центр внимания своей деятельности на борьбу за удовлетворение культурных запросов Сибири, за создание сибирской интеллигенции путем учреждения университета. В этом он видел залог экономического и социального расцвета, возрождение духовных сил народа, приниженных политическим бесправием и непроглядной тьмой.

В одном из своих стихотворений Ядринцев формулирует свою политическую программу:

...Пустынны степи
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить...

О себе и своем друге Ядринцеве Г. Н. Потанин писал: «Мы видели перед собой свою родину, лишенную культурных благ, мы видели ее отсталость и хотели уравнивать ее в культурном отношении с остальными областями России. Нам хотелось, чтоб на нашей родине было равное количество школ, чтобы безопасность и удобства жизни были такие же, как и к западу от Урала, чтобы и здесь процветали и богатели города, чтобы росла сибирская интеллигенция».

В своей общественной деятельности, не ограничиваясь вопросами просвещения, Ядринцев выступает за отмену уголовной ссылки в Сибирь. Обращаясь к москвичам, он спрашивает: «Что бы вы сказали, если бы мы собрали в Сибири весь наш таежный гнус, всех наших ядовитых змей, перевезли через Урал и выпустили на ваши поля? Зачем же вы посылаете в Сибирь убийц, воров, растлителей, всю гнусь вашего общества?»

В «Сибирских мотивах»¹ Н. М. Ядринцев жаловался:

¹ Журнал «Мир божий», кн. 3 за 1895.

На родимую сторонку
Еду к празднику в село,
Но родимую дорожку
Всю-то снегом занесло.
Из ухаба да в ухабы,
Из нырка несет в нырок.
Стали лошади в канаве,
На боку лежит возок.
Ехал к сроку — не доехал.
Цел сбирался быть — избит,
— Распроклятая дорожка!
Так ящик ее язвит.
Стал обоз — глядишь, в сугробе;
На подмогу — кошева.
Сразу срезали два места:
Здесь нажива дешева!
Дорога дорожка эта,
Правят из году года,
Но проходу и проезду
Не бывает никогда.
Мужики затылок чешут.
Проезжающий — бока,
Лишь исправникам дорожка
И доходна, и гладка.

Неоднократные выступления Ядринцева и его друзей возымели действие: в Томске был открыт Сибирский университет; удалось добиться и отмены уголовной ссылки в Сибирь.

Еще живя в Шенкурске, Н. М. Ядринцев написал книгу «Русская община в тюрьме и ссылке», обратившую внимание на автора. После отбытия срока наказания он был приглашен на службу по тюремному ведомству и привлечен к разработке проектов реформы тюремного заключения и ссылки.

В 1876 году Н. М. Ядринцев возвращается в Сибирь. Здесь он сразу же окунулся в работу: выступает в местной и столичной печати как журналист и поэт, пишет книгу «Сибирь, как колония» (1882 г.), в которой развертывает широкую программу экономического и культурного развития восточных районов России. Книга эта выдержала несколько изданий. Ею заинтересовался

Л. Н. Толстой и другие русские писатели, почерпнувшие сведения о Сибири из трудов Ядринцева.

Активно участвуя в работе Западно-Сибирского отдела географического общества, Н. М. Ядринцев совершил несколько научных экспедиций на Алтай и в Монголию. Особое внимание его во время этих экспедиций привлекли вопросы колонизации края и жизнь инородцев.

В очерке «На обетованных землях», опубликованном в «Сибирском сборнике» за 1886 год, Н. М. Ядринцев писал:

«...Вот за Чаргою идет ряд хребтов, вот ущелье Чуи, Чуйские Альпы, вот вершины Катуня с вечными снегами. Дойдет переселенец до них, до этих белых вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ущелья, посмотрит на горных орлов. Но это ли желанные белые воды? Постоит он — и повернет назад.

...Смотря, как мыкается этот человек в поисках за новыми местами, смотря на это вечное скитанье и отыскивание чего-то — словом, озирая всю эту бродячую колонизацию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «Где же лучше?» С этим вопросом стоял я среди цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Карасука; его же я задавал и там, где серебрятся вершины Алтая, любуясь с высот бесконечно волнующимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!»

Сам Ядринцев, хотя друзья его и называли «социалистом», не был ни социалистом, ни революционером. Реалистически изображая окружающую его жизнь, он в то же время не смог ответить на многие, им же поставленные вопросы, часто противоречил самому себе. Он, например, с одной стороны, ратовал против «экономического порабощения Сибири московской мануфактурой» и по существу защищал интересы сибирской буржуазии, а с другой стороны, отмечал, что «...Мироед, кулак и промышленник в Сибири нашел союз с царствовавшим здесь беззаконием и выразил гнет резче и бесцеремоннее».

Н. М. Ядринцев шел трудной и тернистой дорогой исканий, спотыкаясь и нередко ошибаясь. Но он любил свою родину и свой народ, желая им счастья.

Памятник на могиле Н. М. Ядринцева в Барнауле.

Изображая невыносимый гнет сибирской и русской действительности, он глубоко верил в счастливое будущее и обращался к читателю с такими словами:

Не печалься, недремлющий друг,
Это гады ползут пред зарею.

С болью и искренним сочувствием писал Н. М. Ядринцев: «Мы не можем относиться безучастно к судьбе инородцев в Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядом с благосостоянием одной расы ухудшалось положение таких же людей, живущих рядом; невыгодно иметь среди развивающейся культуры в стране, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченных на бедственное состояние; несправедливо давая просвещение одной части населения, исключать другую. Наконец, невозможно допускать в крае, где усваивается цивилизация и просвещение, какое-либо унижение, рабство и эксплуатацию человеческой личности».

Свободная, всесторонне развитая личность на свободной земле — вот идеал, который видел Н. М. Ядринцев в будущем своей Отчизны.

В последние годы жизни Н. М. Ядринцев с присущим темпераментом отдается изданию известной сибирской газеты «Восточное обозрение». Организована она была в 1882 году в Петербурге, а затем издание было перенесено в Иркутск, где газета выпускалась после смерти ее основателя вплоть до 1906 года, просуществовав почти 25 лет.

Н. М. Ядринцев продолжает часто навещать Алтай. Еще из Омска он писал алтайскому краеведу и фольклористу С. И. Гуляеву в Барнаул: «Хотя пребываю в Иртышской равнине, но мои глаза обращены постоянно к синеющим вершинам Алтая, где оставлено мое сердце. Там когда-нибудь, среди раскопок, найдет его археолог будущих поколений и не знаю — узнает ли он, что это похоронено сердце бедного сибирского писателя».

Когда умерла его жена, Н. М. Ядринцев оставил основанную им газету «Восточное обозрение» и вскоре принял предложение переехать в Барнаул, где он недолго работал заведующим Алтайским статистическим бюро.

19 июня 1894 года Н. М. Ядринцев умер в Барнауле и похоронен на горе.

После смерти автора, его публицистические произведе-

дения и стихотворения не раз переиздавались. И хотя Ядринцев был идеологом сибирского областничества, современный читатель легко убедится в разнице между его воззрениями и «деятельностью» тех сибирских областников, которые в годы социалистической революции и гражданской войны оказались в лагере контрреволюции, став прислужниками Колчака и интервентов в борьбе против молодой советской республики.

Несмотря на свои ошибки, Н. М. Ядринцев оставил о себе память сибиряков. Его именем названы улицы в Барнауле и ряде других городов Сибири. Его произведения помогают советскому читателю расширить представление о некоторых существенных сторонах прошлого родного края.

ИВАН ТАЧАЛОВ, ЧЕЛОВЕК СТРАШНОЙ ЖИЗНИ

А. М. Горький называл барнаульского поэта-рабочего Ивана Тачалова «человеком страшной жизни». Жизнь этого талантливого выходца из народа действительно была страшной.

«Трехлетний, вспоминал Тачалов в письме другу, — я лишился матери и уже был засажен за работу (ручная выделка гильз для папирос). Все мое детство прошло по сырым угарным подвалам без воздуха, без солнца и сносного питания. Я не знал ни любви, ни ласки, ни игр, ни развлечений. О кроватях, постелях и о белье моя семья, видимо, не имела никакого представления... Я валялся у порога, около умывального ведра, на вонючих лохмотьях. Шести лет, когда я заболел — полуживой, покрытый язвами, из которых сочился гной и расползались черви, прикрытый грязными тряпками, кишашими паразитами, с трудом сидя на голой скамье, поджимая под себя закоченевшие ноги, — я также был принужден работать, чтобы не умереть с голода.

В нашей среде не признавали ни докторов, ни лекарств, ни ухода, поэтому моя болезнь так и осталась невыясненной, знаю только, что я оглох от нее... Я так бы и зачах и сгнил бы заживо, но меня спасло то, что мой горький пьяница-отец, любя бродяжничать, однажды взял меня в спутники, и вот, скитальческая жизнь и природа закалили и укрепили мой организм, хотя и не вернули слуха.

В это же время, приютившись в заброшенной дере-

венской бане, отец начал меня учить грамоте: читать — по обтрепанному листу календаря, писать — пальцами на песке. Ученье длилось 19 дней. А потом опять подвалы и неподвижное сиденье за гильзами.

Когда же я вырос и постепенно откололся от своей поголовно пьянствующей семьи, то к этому времени механические гильзы вытеснили мое ручное производство и мне пришлось обучаться новому ремеслу. Часто меняя учителей и профессии, я пристрастился к чтению, хотя чтение мое походило не на систему, а на дикий, нелепый кавардак... Я одинаково жадно поглощал и случайно попавшуюся книжку, и старый номер журнала, и календарь, и оберточную газету... И все это урывками, таясь от хозяев... Писать стихи начал впотьмах, ощупью, когда уснут все...»

Не имея ни угла для жизни, ни куска хлеба, Тачалов при своей глухоте, прекрасно игравший на цимбалах, был вынужден жить по барнаульским притонам в качестве музыканта. «Там, — писал он позднее А. М. Горькому, мне удавалось устраиваться со своей поэзией то в конюшнях, то в банях. Итак, мое образование началось в бане и завершилось там же».

В другом письме Тачалов спрашивал:

Кто из писателей, поэтов, интеллигентов видал и прошел такое бессмысленное мученичество? И сам отвечал: — Никто, никто!

Со дна жизни Тачалову удалось вырваться перед революцией 1905 года. Работая картонажником, он принимал активное участие в революционном движении, был массовиком, работал в распространительской группе Барнаульского комитета РСДРП.

О 1905 годе Тачалов вспоминает в своей автобиографической «Мрачной повести»:

«Он захватил и всколыхнул меня. Я начал знакомиться с революционными кружками и участвовал на массовках и митингах. Я не различал никаких партий, не понимал никаких программ и платформ, а участвовал просто благодаря своей впечатлительной, увлекательной натуре... Я жадно присматривался к лицам новых людей, с упоением прислушивался к неслыханным речам, мне нравилось, что слабые горсточки бунтарей смело боролись с громадным всероссийским чудовищем, вооруженным до зубов. Я гордился своей принадлежностью к гордым и

мятежным, гордился своим бесстрашием, считал себя особенным, видя, что мои родные, знакомые страшатся даже мысли о революции, даже одного слова «политика»... А потом я чувствовал благоговейный трепет, когда горсточка моих товарищей шла во главе многотысячной демонстрации и увлекла за своим красным знаменем почти весь город, восторгался тем, что это знамя несет мой закадычный товарищ Мишка Зимачев... Когда казаки заграждали путь, я, как пьяный, бросался в их ряды и призывал идти с нами».

Известно, что Тачаловым была написана «Казачья марсельеза», которую распевали казаки, примкнувшие к революционным демонстрациям барнаульских рабочих. Они начались 19 октября 1905 года, после того, как до Барнаула докатилась весть о царском манифесте и «дарованных свободах». Пустынные улицы города забурлили народом. Руководимые большевиками, демонстрации и митинги проходили под лозунгом «Долой самодержавие!»

В «Казачьей марсельезе» содержатся горячие призывы к вооруженной борьбе «с целой сворой волков кровожадных», с «гнетущей властью капитала», «за право угнетенных людей».

В марсельезе говорилось:

...Царь — такой же слуга капитала,
Покровитель и друг богачам.
Он отец лишь одним генералам,
Всем убийцам, ворам, палачам...
И раздолье проклятым тиранам,
Не жалевшим патронов, плетей...
Беднякам же — рабочим, крестьянам,
Что ни год — то налог тяжелей.

Приветствуя революционное пробуждение угнетенных, Тачалов в одном из своих стихотворений 1905 года восклицал:

...Но проснуться нам время настало,
Миновали затмения года...
Так долой торжество капитала!
И да здравствует царство труда!

Знаменосец барнаульской партийной организации в 1905 году М. Зимачев в своих воспоминаниях пишет: «На митинге 20 октября в народном доме выступали

большевики. В горячих речах они разъясняли значение «манифеста» и призывали рабочих к продолжению борьбы с царизмом. Один лишь присяжный поверенный Черняков рекомендовал «с благодарностью отнестись к монаршей милости». Выражая мнение большинства участников митинга, ему отвечал Вильконский. Высокий, несколько сутуловатый, седой, с огненным темпераментом и юношеской живостью, он потрясал кулаками:

— Нам предлагают выразить благодарность... Никогда! Наша благодарность может быть выражена только штыком, только пикой. Вот наша благодарность.

На знаменах демонстрантов были начертаны лозунги: «Долой царя!», «Да здравствует демократическая республика!». По воспоминаниям того же Зимачева и других участников событий 1905 года в Барнауле Иван Тачалов был в первых рядах демонстрантов, отдав свое перо на службу революции.

Вскоре реакционные силы подняли головы. Организовалась черная сотня, начавшая травлю руководителей революционного движения. Многие были избиты. Черносотенцы разыскивали для расправы также Тачалова, но ему удалось скрыться в пригородной деревне.

На площади, около собора, состоялся молебен, на котором с речами выступили местный протоиерей Завадовский и полицмейстер Тарасов, призывавшие к разгрому «политиков». Черносотенцы же этим не ограничились — начался погром, памятный еще многим барнаульским старожилам. Разбушевавшиеся громилы вскоре повернулись спиной к организаторам погрома, потуже набивая собственные карманы.

«Власть имущим» это, конечно, не особенно понравилось. Вызванные казаки взяли «патриотов» в нагайки и погром таким образом был ликвидирован. Этот погром и был описан Тачаловым в сатирической поэме «Егорка», которую поэт впервые читал рабочим на литературном вечере, устроенном социал-демократической организацией в конце декабря 1905 года.

— Вот в Барнауле в 1905 году был у меня успех, могу похвастать, — вспоминал Тачалов. — Читал я рабочим свою поэму «Егорка», где все начальство прохватил, как нельзя лучше, — так ведь рабочие на руках меня носили! Бывало, гул стоит, ходуном все ходит, как только кончу, со всех сторон кричат: вот это ловко!

До сих пор в печати появлялись лишь несколько отдельных строф этой поэмы. Она не вошла в сборник произведений Ивана Тачалова. Оказалось, что полный текст поэмы не затерялся. Его помнят наизусть некоторые барнаульцы, близко знавшие Ивана Тачалова, участники и даже рядовые свидетели революционных событий 1905 года. С их слов мною в 1939 году были записаны отрывки поэмы, имеющей, по рассказам слушавших ее из уст покойного поэта, три главы под названиями: 1. Приглашение Егорки на погром; 2. Погром и 3. Финал.

Отдельные отрывки, записанные со слов по памяти старых барнаульских пимокатов, позднее удалось сверить по записям поэмы, обнаруженной в семейном альбоме старого барнаульского полиграфиста Г. И. Ускова.

Записанный текст поэмы, которая «не была принята прессой», конечно, не только из-за ее размера, но, вероятнее всего, по цензурным соображениям, был мною опубликован в «Краеведческих записках» Алтайского краевого музея в 1956 году. И уже после этого знакомые поэта, прочитав публикацию, дополнили запись поэмы сохранившимися в их памяти поправками.

Вот дошедший до нас таким образом текст поэмы:

I

Эй, Егорка, собирайся;
Наша очередь пришла:
Толстой палкой запасайся
И пойдем вершить дела.

— Что, опять к политиканам?
Аль опять «уру» кричать
Да безбожникам поганым
Их свободу величать?

Нет, братан, совсем другое —
Поп нам в церкви прочитал,
В манифесте есть такое,
Что нам царь свободу дал.

Да и сам наш полицмейстер
Нам советовал прибыть.
Он еще вчерашний вечер
Звал крамолу изводить.

А сегодня первым делом
Поп молебен отслужил.
Разъяснил все это толком
И крестом благословил.

И сказал нам речь такую:
«Дети, царь нам волю дал.
Чтоб крамолу, эту змею,
Всякий с корнем вырывал.

Все, что господа забыли,
Государя и закон,
То не люди — звери были,
Ими всякий возмущен.

Так: антихрист родился
И политику ведет,
А народ мозгами сбился
И туды же, значит, прет.

И теперь жида с бесами
Много горя натворят
И в конюшни божьи храмы
Да в кеатры обратят.

Все иконы расшвыряют,
Мощи — дохтурам сдадут,
Всех монахов распугают,
Батькам в шею накладывают.

Православные, спасайте
Вашу веру и святых,
Нас в обиду не давайте,
Нас, заступников своих.

Всех, кто служит у престола,
Кто вас любит, как овец...
Изводите же крамолу,
Да поможет вам творец!»

Весь народ наш прослезился —
Так им било по сердцам.
После батьки обратился
Полицмейстер с речью к нам.

Он сказал нам так: «Ребята,
Не жалейте кулаков

И политику прокляту
Отваляй со всех боков.

Послужите правдой-верой
Благодетёлю-царю.
И за это полной мерой
Угошенье выдаю.

Может быть, еще медали
И кресты вам всем дадут.
А чтоб вас не обижали
Казачки помочь придут».

Наши разом согласились
И давай его качать.
Тут вожатые явились
Нам дорогу указать.

Дали списки и советы.
Где крамольников найти.
Дали царские портреты,
Чтоб порядок соблюсти.

Там Герусов и Егоров
Ох! Святые мужики.
Мне от пьяных разговоров
Так и чешет кулаки.

Там Ожогин наш кургузый,
Караваяев тоже там,
Сенька Карпов, толстопузый.
Все дают советы нам.

Да еще ты знал Кутаенко,
Что пшеницу воровал?
Так и тот, Понял толк он,
И царя не променял.

Даже пьяницы и воры
Все за бога, за царя.
Так и лезут на заборы.
Всех смутьянов матеря.

Там и водка нам готова,
Пей задаром сколько хошь.
Лишь спроси городского
Так тебе он целый ковш.

Непогода разыгралась
 По дубравушке лесной
 И не море взволновалось
 Темно-бурою волной.

Это наши «патриоты» —
 Барнаульская шпана,
 Побросав свою работу,
 Бьет политику она.

По закону и по праву —
 Ведь не зря царь волю дал!
 Бьет налево, бьет направо
 Всех, кто под руку попал.

Режут, грабят, разбивают,
 Свищут, гикают, поют:
 Книги в клочья разрывают
 Да и клочья в клочья рвут.

А воришкам-то раздолье!
 Тут не время отдыхать —
 В снег, на крыши и в подполье
 Стали кое-что таскать.

И кабацкое отродье,
 И бродяги-молодцы,
 Побросав свои лохмотья,
 Разрядились, как купцы.

Их казаки охраняют,
 А солдаты лишь глядят,
 Офицеры наблюдают,
 Полицейские стоят.

Видны пьяные объятья,
 Взмахи гордые дубин,
 Слышен гогот, брань, проклятья
 И нестройный царский гимн.

Избоченясь горделиво,
 Важно шествует толпой.
 Шапки набок, на загривок,
 Рассуждают меж собой:

«Чем мы, братцы, не начальство!
Полицмейстер — нам свояк,
Раньше это чинодральство
Нас считало за собак.

А теперь: «Друзья любезны!»
Вот как мы попали в честь:
Богу и царю полезны,
И за галстук вволю есть.

Всякий с нами стал любезен
Эх! И жизнь же дорога...
Весел, пьян, царю полезен,
Да и господу — слуга.

Эй, скубенты, ералисты,
Выходите-ка сюда!
Эй, вы, там, социалисты,
Где вы спрятались, куда?

Вон, гляди, скубент, ребята!
Видишь — пуговка блестит.
Вот проучим ихня брата,
Как у нас народ мутить.

Эй! Постой-ка, друг-приятель,
Вот попробуй-ка дубин!
Ты теперь — не обыватель,
А слободный господин.

Бейте разом, бейте дружно.
По башке да по ногам.
А бока обшарить надо,
Нет ли язвы-бомбы там.

Тпру! Постой! На шапке бляха,
Ах, крамольник, стало быть,
Тоже, значит, немояха.
Эй, ребята, — колотить!

Хорошо бы емназиску
Нам, товарищи, поймать,
Мы бы выдали расписку,
Что собча желаем взять.

Вон, ребята, социалка.
Ух, держи, хватай, имай:

Сыпь песку ей, палку, палку...
Калача ей загибай!..

Эй, ребята, книг беремь.
— Книги? Рвите их скорей,
Жги их, дьявольское семя,
Чтоб не портили людей.

Все-то, братцы, перерыто,
Разнесено в пух и прах,
Вся «политика» побита
И не слышно о жидях.

Только гарью кой-где пахнет,
Да порой в ином дому,
Подгоревши, крыша трахнет
И провалится в дыму.

Наконец, все охмелели.
Без казаков и солдат,
И без водки одурели.
Нам теперь и царь — не брат.

Что нам царь? Ему довольно
Послужили, а теперь
Наша воля..
Бей кого желаешь! Вольно!

Ну-ка, Симанов, разделай
Комаринского. И вот
Всей оравой обалделой
Пляшут — стон кругом идет.

Ну-ка, жарь, братан, в гармошку,
Сыпь, разделявай, валяй
«Сени», «Барыню», «Махоньку»!
Морда! Водки подавай!

Разопьют, опять по шее,
Вновь работой каблукн!
Вдруг... Какая там помеха?
Лупят наших казаки.

III

Посмотрите: в самом деле
Крестит молодца казак.

Вон другому залетело,
Наконец, бьют всех: вот как?!

Эй! Не трогать нас! Собаки!
Мы за бога, за царя,
Но работают казаки,
Ничего не говоря.

Что тут делать?

Эй, вы, ноги, по бутылке ставим вам,
Лишь скорее, ради бога,
Уносите по домам!..

После этой славной порки
Только чудом отыскал
Свою хагу наш Егорка,
Там приятеля застал.

Тот и сам сидит сердитый,
Да зубами лишь скрипит.
Пьяный, мрачный и избитый
Ничего не говорит.

Но зато теперь Егорка
Дал свободу языку
Так, что волком взвыл Трезорка,
А кот со страху пал в муку...

— Брат, за что нас отодрали,
Сучьи дети, казаки?
Посмотри — мне изодрали
Шкуру всю на лоскутки.

Видишь, как нас наградили
Полицейские дружки?
С казаками вместе били
О, проклятые крюки!

Ну, на что мы тут связались?
Ну, царю какая честь,
Чем для бога постарались?

Ведь политике до бога
Не добратся бы и так.
У царя же войска много,
Так на что наш брат-дурак?

Тут казаки и солдаты
И без нас бы обошлись,
Ну, а богу в облака-то
На какой мы черт сдались?

Спутал подлый полицмейстер
Да и ты, наш поп святой,
Ох, чтоб вам в вонючий клейстер
Утонуть вниз головой.

Тот, по-вашему, раскольник,
Тот политик, если хошь,
Тот, по-вашему, крамольник
Черта два тут разберешь.

Сами нас же натравили,
А потом так нас же драть.
Хороши кресты, медали —
Вам бы этакие дать.

Вас бы, сволочей, с попами
Вверх ногами привязать,
Да политикам плетями
С вас три шкуры ободрать.

* * *

Конечно, большой успех поэмы среди барнаульских рабочих в 1905 году, о котором писал Иван Тачалов, не может служить мерилom ее художественной ценности.

Вполне возможно, что спустя 50 лет поэма в устной передаче претерпела некоторые видоизменения. Однако, сам по себе тот факт, что отрывки поэмы передаются из уст в уста, что молодежь, знающая «Егорку», не знает ее автора и приписывает поэму народному творчеству — сам по себе этот факт говорит о многом. Он свидетельствует о неумирающей любви трудящихся города к своему знатному земляку, стоявшему в годы первой русской революции в центре литературной и политической жизни Алтая.¹

— Родные отвернулись от него, — рассказывала проживавшая в Барнауле и умершая в годы Отечественной

¹ Именем Ивана Тачалова названа улица в Барнауле, на которой жил поэт.

войны жена брата поэта — Николая — 80-летняя Екатерина Алексеевна Зырянова-Тачалова. — А Иван все свое твердил: «Пропили вы свой разум.— может доживете до лучших дней и тогда поймете меня». Недавно мне прочитали книжку Ивана. Жаль, что нельзя ему сейчас сказать, что он был прав.

Сам Тачалов, как передают встречавшиеся с ним, с болью переживал описанный им в «Егорке» погром и поражение революции.

Преследуемый полицией, Тачалов вынужден был покинуть родной Барнаул и переехать в Томск. Самобытные стихи привлекли к поэту внимание сотрудников товарищества печатного дела, выпускавшего в Томске губернскую газету «Сибирская жизнь». В редакции его пытались устроить на работу репортером, но мешала глухота и Тачалова определили в разносчики газеты. Новая жизнь в окололитературных сибирских кругах положительно сказалась на творчестве поэта. Им было написано много стихотворений, которые печатались в Томске и в Барнауле. Значительная часть этих стихотворений вошла в изданный с помощью А. М. Горького в 1910 году первый сборник поэта «Аккорды мысли».

В годы наступившей реакции, после поражения первой русской революции, Иван Тачалов, продолжая верить в грядущую победу, писал в одном из стихотворений:

Мысль и руки понемногу
В побежденной полумгле
Строят верную дорогу
К царству правды на земле.

За стихи свои Тачалов, как «политически неблагонадежный» был административным порядком выслан из Томска. В 1913 году в одной из сибирских газет появилось такое сообщение: «Барнаульский поэт Иван Иванович Тачалов, будучи изгнан из Сибири за его радикальную поэму «Егорка», живет в России, в городе Самаре»У

Из Самары он писал на родину:

«Здесь, в чужом городе, где меня не знает никто, мне приходится простаивать целыми неделями на бирже труда с готовностью поступить хотя в землекопы; но и это оказалось недоступно; нанимались те, которые с ушами... Если я еще жив, то только благодаря поддержке моих сибирских друзей, которым я должен почти всем и как

дому... Помощь друзей не дает мне умереть с голоду, но условия моей жизни остаются прежние: мне все равно приходится жить в той среде, где царит нищета, пьянство и зверство, весь тот ужас, от которого я задыхался всю жизнь. Задыхался и задыхаюсь... устал задыхаться... Вообразите себе обнаженного человека, завязшего в трясине, окруженного тучей кровожадного и ядовитого овода... Мыслимо ли тут работать, да еще вдохновенно? Мыслимо ли тут «бодриться», как советуют мне друзья? Я прекрасно знаю, что страдания необходимы, что они закаляют творческий дух, что от векового давления образуются алмазы, но если эти страдания раздавливают окончательно, то какая же в этом польза?»

✓ Вихрь «страшной жизни» закружил Ивана Тачалова. Надломленный ею, поэт поддался настроением одиночества и грусти. В стихотворении «Ветер» он пишет:

— Здравствуй, ветер буйнокрылый.

Вольный странник мировой!

Я пришел к тебе унылый

С неотвязною тоской...

Я — изгнанник издалика.

Я оторван от друзей

И тоскую одиноко

Здесь о родине моей.

Ты же, вольный и свободный,

О тоске моей скажи. —

Но, блуждая сиротливо,

Ветер мечется вокруг

И сторонится пугливо,

Не товарищ и не друг...

«Тачалов не нашел в себе силы развить свое дарование до той высоты, которой оно достигло бы при других, менее тяжелых условиях». (А. М. Горький).

Сам поэт сознавал, что поет часто «с чужого голоса». С болью он писал из Самары одному томскому адвокату: «Я не чувствую никакой гордости от сознания того, что мое дарование будет услаждать вкусы пресыщенных искусством и жизнью франтов и барынь. Знайте, глубокоуважаемый, что я не могу ограничиться этими стихами, что стихи не удовлетворяют меня потому, что законы эстетики отодвигают поэзию далеко от жизни и чем глубже поэзия, тем она дальше от того, что составляет

мое святое святых. Ведь я — выходец из черного царства низов, ведь я — посланец и представитель моих, до одурения задавленных братьев, ведь я пронес на своих плечах великие, зверские страдания, ведь я непосредственно знаю кошмарную действительность их интимной жизни... И поэтому, мне ли изысканно затрагивать нежные струны человеческого сердца, когда в моих руках обух, способный оглушить мир?»

Вера в человека, в торжество борьбы с социальным неравенством нет-нет да и берут верх над мотивами грусти. В стихотворении «Две стихии» поэт в аллегорической форме рисует борьбу сил нового, светлого, прогрессивного с силами зла и темноты. Раненый жизнью, он зовет «на битву», «на славные дела».

Ободренный февральской революцией, И. Тачалов воспользовался открывшейся возможностью навестить родные края. И в бурные предоктябрьские дни 1917 года в Барнауле и Томске с импровизированных трибун рабочих собраний и митингов снова, как в 1905 году, зазвучал знакомый голос Ивана Тачалова, его полные революционного пафоса слова.

Торжествовать над злом победу — мировую
Пора великая, желанная пришла.

25 декабря 1917 года в № 168 томской газеты «Знамя революции» был опубликован памфлет Ивана Тачалова в прозе «Пан и хам». Характеризующий политические настроения автора, памфлет воссоздает картину тех исторических дней начала гражданской войны в Сибири. «В ней, — писал И. Тачалов, — борются два смертельных врага: один — упоенный своим освобождением, бывший Хам, другой — взбешенный этим освобождением, Пан; один борется за свою и всемирную свободу и человечность, другой — за свое кровавое владычество и рабство всего мира; один борется открыто — своей гигантской силой, другой — гнусными приемами, часто скрывая под плащом «товарища» пропитанный ядом предательский нож».

Рисуя эту борьбу, Иван Тачалов заканчивает памфлет обращением к «своим идейным врагам».

— Опомнитесь, дикие уроды! Поймите, что ваша гнусная игра проиграна окончательно! Поймите, что цепи рабства исковерканы до такой степени, что в них уже не-

мыслимо заковать того свободного гиганта, в которого превратился бывший жалкий раб!.. Поймите, что вы сами можете захлебнуться в своих помоях и плевках! Поймите, что вы отравляете своим нравственным зловонием не только настоящее, но и будущее!»

К этой теме И. Тачалов вернулся позднее, написав стихотворную полусказку-полубыль «Дурацкая карусель», изданную автором отдельной книжкой в 1927 году. В ней поэт пытается выразить «всю муку и боль прошлого, всю дерзость и борьбу настоящего и всю надежду будущего». Правда, в художественном отношении «Дурацкая карусель», написанная в стиле старого лубка, довольно примитивна и особой ценности не представляет, как и некоторые другие произведения последнего периода жизни поэта.

Всего им написано было более ста стихотворений и поэм, а также «Мрачная повесть» и роман в прозе. О последнем мы знаем лишь из писем Тачалова — роман нигде не печатался и судьба его осталась неизвестной. Сам автор писал о романе, что в нем он попытался изобразить «всю выпуклую уродливость жизни» до революции «в непролазных дебрях эгоизма, лжи и бессердечия»...

К сожалению литературное наследство Ивана Тачалова собрано далеко не полностью, многие стихи, даже печатавшиеся в сибирских периодических изданиях, не вошли в посмертный сборник избранных произведений поэта, изданный в Москве и Новосибирским областным издательством.

Вошедшие же в сборник произведения неравноценны по художественной силе.

Страницы «Мрачной повести» изобилуют обнаженным грубым реализмом сцен зверств и жестокостей, кошмаров и нечеловеческих мук. Но, как повесть автобиографическая, она представляет историко-литературное значение и сейчас.

Как-то, высказывая свои взгляды на дореволюционную русскую литературу, Иван Тачалов сетовал на то, что «она дает только то, что есть, а не то, что должно быть; давая отрицательное: чичиковых, плюшкиных, рудиных, обломовых и подобных им господ — литература не дает истинно-прекрасного, всепобеждающего характера, которому мы могли бы подражать; она — зеркало, в котором мы видим свои кривые рожи, а не образ

идеала, способного пробудить в нас неудержимое стремление к нему...»

Но и автору этих строк не удалось создать такого произведения. Иван Тачалов после продолжительной тяжелой болезни умер в Москве 1 марта 1929 года, оставив в литературное наследство гораздо меньше того, что можно было ожидать от этого самобытного поэта-самоучки.

ИСТОРИЯ ДВУХ ПЕСЕН КРЕСТЬЯН СЕЛА ПАВЛОВСКОГО

С давних времен на Алтае существовала местная, довольно своеобразная рукописная литература, которая скорее может быть отнесена к фольклору. По своей тематике это была преимущественно сатира на существовавшие «порядки». В особенно большом количестве сатирическая поэзия появилась в 1905—1907 гг., когда рабочие и крестьяне Алтая вступили в открытую революционную борьбу против царизма.

Песни и особенно частушки периода первой русской революции аккуратно переписывались в рукописные альбомы и бережно сохранены во многих семьях местных старожилов. Дошедшие до нас таким образом «Метаморфозы» были написаны под влиянием творчества французского поэта Беранже, которое, как видно, было знакомо барнаульскому сатирику. Вот эти «Метаморфозы»:

Был солдатом он запасным,
На войну шел патриот,
Воротился ярко-красным.
— Вот какой переворот!..
С божьей помощью вперед!

Был рабочий патриотом,
Вдруг, о чудо из чудес:
Он движенья стал оплотом,
Прямо на рожон полез...
С божьей помощью прогресс!

Был крестьянин тих и кроток,
 Вдруг он рубит царский лес.
 И в расправе стал короток:
 Соблазнил лукавый бес!
 С божьей помощью прогресс!

Сохранилась и более поздняя юмореска «Старое на новый лад». Она направлена против Столыпина, сменившего царского премьер-министра Горемыкина и известного по его «хуторской реформе», которая преследовала цель создать «отрубное кулачество». Опираясь на него, на помещиков и буржуазию, Столыпин, как известно, начал проводить политику подавления революционного движения масс самыми кровавыми мерами. По этому поводу автор юморески писал:

Горемыкина — за борт,
 И к рулю — Столыпин.
 Он — рыбак первейший сорт
 На крамольных рыбин.
 Уж успел он дать приказ
 Действовать усердно.
 Изобьют теперь у нас
 Всех немилосердно!
 Хоть не с обществом война,
 А с его врагами,
 Взяться власть за руль должна
 Твердыми руками...
 Бей, лови! Ведь далеки
 Времена лихие,
 Ноне ж общества враги —
 Только вся Россия.

Как удалось установить, автором этой юморески был барнаульский поэт П. А. Казанский, часто печатавший в барнаульской газете стихотворные фельетоны под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий». Юмореска «Старое на новый лад» нигде не была напечатана и распространялась по Барнаулу без подписи в рукописных списках.

Несмотря на террор, бывший особенно жестоким на кабинетских землях, трудящиеся Алтая не прекращали своей борьбы. Широкий размах она получила в алтайской деревне.

После «реформы» 1861 года, когда лишившись даровой рабочей силы, горнозаводская промышленность начала хиреть и пришла в упадок, Кабинет переключился на эксплуатацию алтайских земель и лесов, ставших основной доходной статьей царя — первого помещика России.

«Освобождая» алтайских крестьян в связи с «отменой» крепостного права, Кабинет формально выделил им даже в пользование землю, но собственность на эту землю сохранилась за царской семьей. Не довольствуясь миллионной оброчной податью, которую крестьяне платили за пользование надёлом, царь распорядился землей, как ему было более выгодно: то заставлял сельские общества принимать новоселов, то сдавал надельную землю в аренду купцам и кулакам. Так из года в год наделы крестьянских обществ все уменьшались.

Капиталистическая верхушка алтайской деревни была заинтересована в аренде земель Кабинета. Последнему же выгоднее было иметь дело с одним-двумя арендаторами, чем с тысячей крестьян, кстати неаккуратных плательщиков.

Это была, получившая название «столыпинской», ставка на «сильного» — кабинетские чиновники поддерживали кулака, опираясь на него в борьбе с бедняцко-средняцкой частью крестьянства.

О положении крестьян кабинетских земель можно судить по дошедшей до нас песне, которую помнят еще многие старики рабочего поселка Павловского.¹ Доведенные до отчаяния, крестьяне жаловались:

Вздумал ты купить лесинку
В нашем Павловском селе —
Отнеси ты им полтинку,
Отведут, что покривей.
Если вздумал ты скотинку
В поле травкой покормить,
Так объездчик не пускает:
— Надо денежки платить.
Вечно трудишься ты этак.

¹ Приводимые ниже песни записаны автором и впервые опубликованы в газете «Алтайская правда» № 134 от 10 июня 1941 г.

Вечно ты рабом живешь.
Если ж воли ты захочешь,
Так в неволю попадешь:
Увезут в казенно зданье,
Где решетка у окна.
Вот тебе твоя свобода,
Чтоб вперед ты был умней...

Любопытна история этой песни, запечатлевшей один из ярких эпизодов революционной борьбы алтайских крестьян против царского самодержавия.

Село Павловское (ныне рабочий поселок — районный центр) было окружено царскими землями — боровой полосой и лучшими земельными угодьями. Глубокая канава отделяла село от густого Касмолинского соснового бора, чтобы жители не могли пасти в нем скот. Без билетов павловцам запрещалось даже переходить через канаву для сборов в бору грибов и ягод.

Между тем, крестьянские земли для пашни, сенокоса и выгонов находились за канавой и бором. Крестьянам никак нельзя было миновать боровую полосу кабинетского имения, которая зорко охранялась объездчиками и специальным конным отрядом стражников. Объездчики были заинтересованы в охране, ибо сами являлись арендаторами лесных полей и земельных угодий Кабинета.

Они штрафовали крестьян за какую-нибудь палку, взятую в бору для ремонта телеги. Штрафу подвергались женщины и дети, задержанные с ягодами или грибами, а если кто не имел денег для уплаты штрафа — тех избивали.

Скот, случайно даже зашедший в бор, объездчики загоняли во дворы кордонов и с владельцев опять-таки взымали штраф.

Весной 1911 года имение сдало барнаульскому купцу Карамышеву в аренду две тысячи десятин земли, которой пользовалось сельское общество, не спросив, конечно, даже согласия последнего. Имение Кабинета отобрало таким образом у крестьян выгон и отрезало водопой.

Это очередное «землеустройство» и было предметом обсуждения озлобленных павловских крестьян, собравшихся 31 мая у волостного управления. Заговорили тут и об издевательствах, которые чинят над крестьянами объездчики Майорниковы (отец и сын) и кулаки.

братья Сердские. Подлили масла в огонь пастух Ботов и крестьянин Золотарев, накануне собрания избитые Майорниковым. Их рассказ вызвал негодование толпы, отправившейся к управляющему именем Рябцевичу с требованием отменить сдачу общественной земли в аренду Карамышеву и наказать Майорниковых и Сердских. Управляющий пообещал «разобрать» жалобу, но возбужденные крестьяне, зная цену словам Рябцевича, разгромили контору имения, дома ненавистных объездчиков, разбили 6 кордонов, выпустив задержанный скот и уничтожили в конторе все делопроизводство и 50 тысяч протоколов, составленных на крестьян за «лесные нарушения».

Восстание павловских крестьян длилось несколько дней. По улицам разносились революционные песни, крестьяне уничтожали портреты царя и других «высочайших особ». В село для подавления восстания из Барнаула прибыли полиция и специальный карательный отряд. Между повстанцами и «усмирителями» произошла кровавая схватка, в результате которой был убит крестьянин Карев и 17 человек ранено.

Начались аресты. Около двухсот павловских крестьян, среди которых находились старики, подростки и даже глухонемые, были брошены в барнаульскую тюрьму. Восстание безоружных крестьян села Павловского было подавлено превосходящими силами карателей. Это и нашло отражение в конце песни повстанцев:

...Ты сидишь в тюрьме немало,
Ты сидишь и год и два.
Суд молчит, а ты томишься
В ожидании суда.
Ешь полфунта хлеба в сутки,
Суп водицы не жирней,
Мясом лишь помажут губки,
Чтоб сердцу было веселей.

Песня эта по воспоминаньям участников событий принадлежит перу молодого повстанца М. Игнатьева, попавшего в тюрьму вместе с другими. Им же была написана и вторая песня:

...начальство тут решило не дремать,
Кого можно поскорее б забрать.

Записали тут и мертвых и живых,
Всех калек, немых и старых, и слепых.
А на улице поймают лишь кого —
И нагайкою давай-давай его.
И садили за решетку, как зверей,
Три солдата там стояли у дверей.
Вот сидят они и день, сидят и два,
Вдруг приходят все начальники туда.
Появился исправник и святой отец,
Управляющий — грабитель-молодец:
Он прокашлялся и начал тут читать,
Ну, а бабы за дверями причитать.
Прочитал он до конца им протокол,
Сам немножечко в сторонку отошел.
...И садили на подводки молодых,
Отправляли от детей и от отцов...

Суд состоялся в Барнауле ровно через год — 28 мая—1 июня 1912 года. На скамье подсудимых сидело 55 крестьян. Шестеро из них были приговорены к арестантским работам, 21 человек — к разным срокам тюремного заключения. Даже пять несовершеннолетних «зачинщиков» были осуждены к четырем месяцам тюрьмы.

Суд не забыл удовлетворить иск Кабинета в сумме 14 392 руб. 62 коп. Такая точная сумма включила «убытки» Кабинета, понесенные, якобы, от уничтожения штрафных протоколов и уплаченные различным служащим, «пострадавшим от восстания». За счет подсудимых Кабинет оказался довольно щедрым. Управляющий Павловским имением не только возместил «убытки» объездчикам, но не поскупился вознаградить даже людей, не имевших никакого отношения к имению. Случайно находившаяся в Павловске, гостившая у управляющего имением Рябцевича некая госпожа Бастрыгина тоже не была забыта — ей выдали 1500 рублей.

Так царские слуги расправились с павловскими крестьянами, осмелившимися восстать против «Кабинета его императорского величества», в защиту своих прав на землю. В этой борьбе павловцы не были одиноки.

Павловское восстание явилось началом крестьянских волнений, прокатившихся на алтайских кабинетских землях и знаменовало собой новый революционный подъем крестьянских масс после реакции 1907—1910 гг. Несмотря

ря на террор, алтайские крестьяне, руководимые подпольной барнаульской большевистской организацией, не отказались от своих кровных требований.

Они были удовлетворены Великой Октябрьской социалистической революцией, навсегда освободившей трудящихся Алтая от гнета коронованного помещика.

И сейчас, работая на своих колхозных полях, павловцы не забывают о том, что обрабатываемая ими земля — та самая земля, за которую они боролись с царизмом. Ею владеют колхозы, которым земля передана бесплатно и навечно.

АЛТАЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ШИШКОВА

Автор «Угрюм-реки» и «Емельяна Пугачева», выдающийся советский писатель Вячеслав Яковлевич Шишков начал свой трудовой и литературный путь в Сибири.

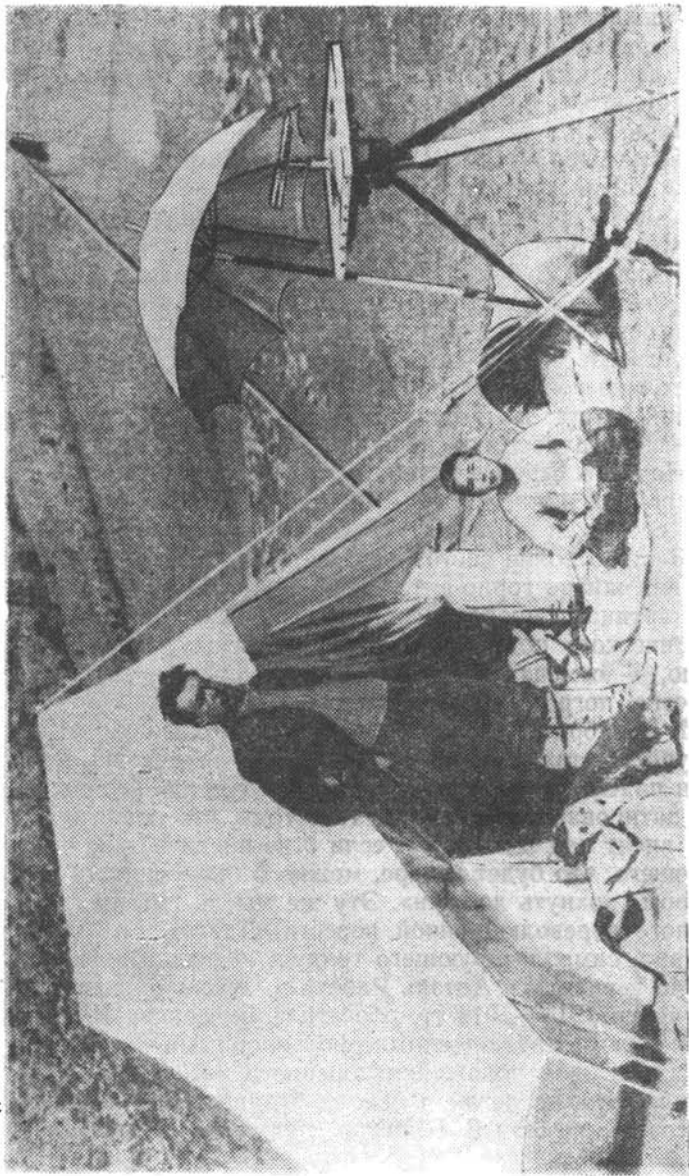
По окончании Вышневолоцкого строительного училища будущий писатель получил звание техника и, направленный в Томск в 1894 году, служил здесь в Управлении округа путей сообщения по рекам Западной Сибири вначале кондуктором, затем техником, часто выезжая в экспедиции на полевые работы.

С 1900 года, самообразованием пополнив технические знания и сдав соответствующий экзамен, В. Шишков получает право самостоятельного производства инженерно-строительных работ. С этого времени ему дают ответственные задания по обследованию, съемке и нивелировке сибирских рек.

Во главе изыскательных партий на Оби, Чарыше и Бие В. Шишков знакомится с природой и бытом жителей Алтая, посвятив ему впоследствии немало произведений.

Первым литературным опытом В. Шишкова были рассказы, которые он «прятал в стол, считая их неудачными». И когда в 1908 году была напечатана его символическая сказка «Кедр» — «радовался, как ребенок». Его ранние рассказы и очерки («Теща», «Дяденька», «На Бие» и др.) начали печататься в барнаульской газете «Жизнь Алтая» и «Алтайском альманахе».

Свое отношение к Алтаю начинающий тогда писатель выразил в одном из писем Г. Н. Потанину «Я люблю Ал-

В. Я Шинков в с Олгудай Горно-Алтайской области (1913)

тай крепко, — писал Вячеслав Шишков, — с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возмещу Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если б я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красу и мощь».¹

В мае 1913 года В. Я. Шишков руководит так называемой Чуйской экспедицией, задачей которой явилось изыскание тракта в Монголию для расширения рынка сбыта русских товаров. Надо было спроектировать трассу от города Бийска до монгольской границы у Кош-Агача и решить вопрос — что экономически выгоднее: пробивать тракт через поднявшиеся в небо горные перевалы или строить его в обход пролежавших на пути перевалов, по долине реки Катуня? Последний вариант несколько удлинял путь; но зато сокращал капитальные затраты и облегчал трудоемкую работу.

Начатое строительство было прервано первой мировой войной и уже в наше, советское время Чуйский тракт был сооружен по проекту В. Я. Шишкова.

Весть о войне застала его партию в Онгудае. Тихая мирная жизнь горно-алтайского села сменилась тяжелыми картинами проводов мобилизованных на фронт. «Патриотического подъема, о котором всюду писалось, не было, — отмечал Шишков, — были слезы, проклятия, буйства, погром винных лавок».

В декабре 1914 года он пишет Ремизову: «Каким траурным стал для меня свет, точно на духовные глаза свои надел я темные очки». Он повторяет в другом письме, датированном 18 марта 1915 года, что война кошмаром висит над землей. «И если б не предчувствие чего-то хорошего, что будет вскоре, можно б было спятить с ума. А гром грохнуть должен». Эту же мысль мы находим в эпилоге дореволюционной повести «Тайга», в картине пожара, символизирующего грядущую революцию.

Но вернемся к Алтаю. Работа в Чуйской экспедиции в течение 1913—1914 гг. обогатила Вячеслава Шишкова жизненными наблюдениями, фольклорными записями и материалами о положении коренного населения Горного Алтая, которые легли в основу будущих произведений. По свежей памяти В. Шишков печатает в газете «Сибирь-

¹ Альманах «Алтай» № 10, 1957 год.

ская жизнь» путевые очерки «По Чуйскому тракту», пишет рассказы, вошедшие в цикл «Чуйские были».

Описывая Чуйский тракт, писатель говорит, что «весь бы этот тракт серебром можно было вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из узких глаз полудиких, с чистою душой, кочевников, такой большой обидой и горем наделил их неистовый алчный хищник».

Лишенные широких социальных обобщений, «Чуйские были» в форме сказов однобоко изображают возмутительные факты грабежа, насилия и издевательств над алтайцами со стороны русских купцов и царских чиновников. Рассказы обходят факты классового расслоения и внутренние противоречия, раздиравшие алтайский народ не в меньшей мере, чем жадные хищники-купцы. Алтайцы показаны в «Чуйских былях» беспомощными жертвами одних только купцов, людьми наивными, не способными оказать им сопротивление.

О работе над «Чуйскими былями» В. Шишков писал в 1913 году: «Это серия мелких рассказов из быта знаменитых грабителей, сибирских купцов «чуйцев», что грабили монголов, алтайцев, а теперь вознесло их золото на верх жизни: все перед ними спины гнут, кругом почет, первые в Бийске люди... Алтайцы народ замордованный, уже тронуты культурой, боязливы, в старой своей вере не устойчивы, но все-таки хороши».

Это «все-таки хороши» определяет личные симпатии писателя, с болью и сочувствием писавшего о виденном вокруг. «Темы у меня не особенно веселые, — говорил он. — Страдать душой приходится, все переживать самому, чтобы ясно и отчетливо было видно чужое страдание, чтоб пересказать его ярко на бумаге и заразить читателя».¹ Потому «Чуйские были» трогали читателя своей гуманностью и сочувствием к «инородцам» и получили в Сибирских демократических кругах высокую оценку.

С огромным запасом жизненных наблюдений покинул писатель Алтай и вскоре, после 20-летнего пребывания в Сибири, переезжает в столицу, чтобы целиком посвятить себя литературному творчеству. Содержание многих на-

¹ А. Богданова, Вячеслав Шишков, Новосибирск, 1953.

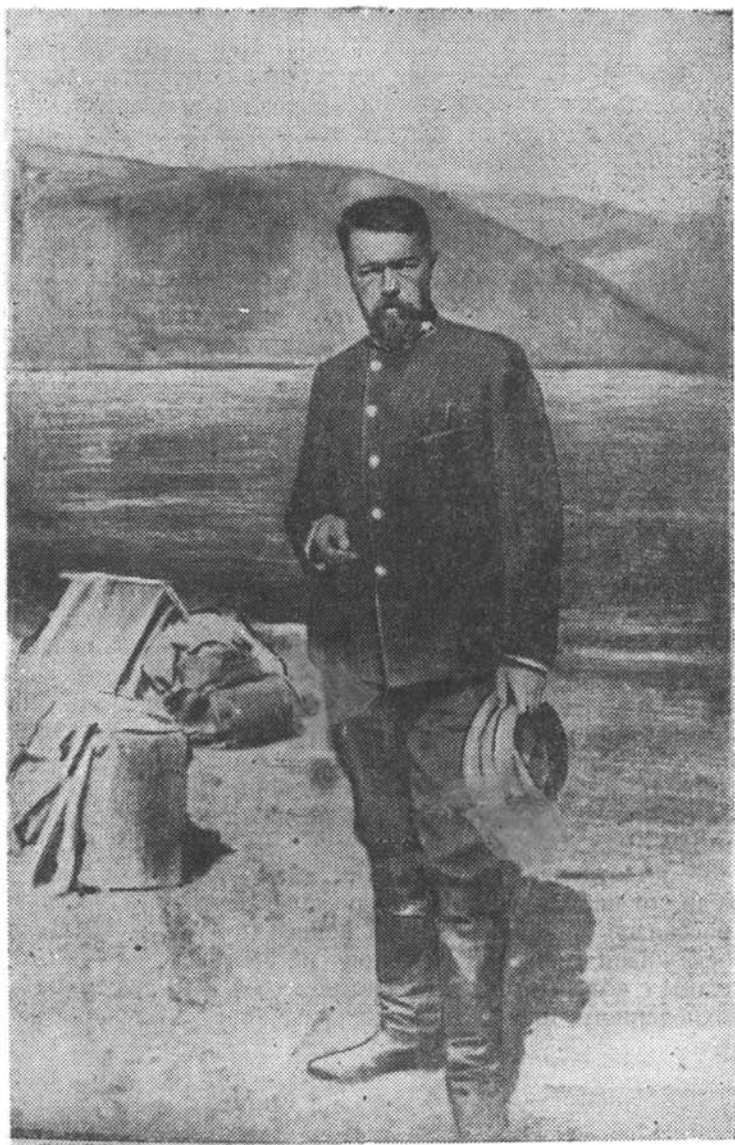
писанных им вне Сибири произведений в той или иной мере по-прежнему связано с Алтаем. Начатая еще здесь повесть «Тайга» была напечатана в журнале «Летопись» за 1916 год. Повесть рисует темные стороны жизни и быта таежной деревни, показывая одновременно зарождение новых сил, приветствующих «очистительный» пожар, ненавидящих социальную несправедливость и стремящихся революционным путем с нею покончить. Глухая сибирская деревня Кедровка изображена в повести в ее движении к лучшей жизни, к светлому будущему.

Дореволюционная повесть «Тайга», как и его лучшие ранние рассказы, определила литературную судьбу Вячеслава Шишкова, талант которого особенно расцвел после Октября. «Писателем-профессионалом, — говорил он о себе, — я стал после Великого Октябрьского переворота, когда почувствовал и осознал я себя полноправным членом и работником нового, молодого советского общества». Открылись новые горизонты. В советское время из Вячеслава Шишкова вырос крупный писатель, мастер социалистического реализма, сумевший создать такие впечатляющей силы книги, как «Угрюм-река», и «Емельян Пугачев».

О том, какое значение сыграла Сибирь в становлении писателя, В. Я. Шишков писал в автобиографии:

«Мои лучшие годы протекли в живом труде, среди разнообразной природы. Я видел всяческую жизнь, но судьба дала мне больше всего присмотреться к жизни простых людей. Я жил бок о бок с этими людьми, нередко ел из одного котла и спал под одной палаткой с ними. Перед моими глазами прошли многие сотни людей, прошли неторопливо, не в случайных мимолетных встречах, а нередко в условиях, когда можно читать душу постороннего, как книгу. Каторжники и сахалинцы, имевшие за плечами не одно убийство, бродяги, варнаки, шпана, крепкие кряжистые сибиряки, крестьяне, новоселы из России, политические и уголовные ссыльные, кержаки, скопцы, инородцы, — во многих из них я пристально вгляделся и образ их сложил в общую копилку памяти».

Покинув Сибирь, писатель не прекращал с нею связей, вел обширную переписку с алтайскими писателями Гребеншиковым и Исаковым, с этнографами Анохиным, Никифоровым и другими. И в последние годы своей жизни, в период Великой Отечественной войны, Вячеслав

В. Я. Шишков на Алтае (1914 г.)

Шишков, возмещая давнишний писательский «долг», часто возвращается к алтайской тематике.

В рассказе «Прокормим» приехавший из госпиталя домой на побывку фронтовик Иван Петров любитесь родным Алтаем. «Он благословлял горный ветер, что ласково обнимал его со всех сторон и шевелил его волосы, он благословлял вечернее солнце, что освещало серебряные шапки далеких гор, где даже в летнюю пору бушуют снеговые бури и куда редко залетают могучие орлы...»

Побыв неделю дома, Иван собирается в обратный путь. Он спрашивает стариков:

— Ну, как дела, как урожай-то? Прокормите фронт?

И-эх, милый, ваше дело воевать славно, вы воюйте покладней, а уж мы прокормим, об чем разговор, прокормим! — отвечал огромный, под потолок ростом, дед Андрон... Я насчет огня в сердце скажу... Есть такая присказка старозаветная: «Сумеешь, так и снег загорится, не сумеешь, так и карасин не всдохнет». Только воюйте! Воюйте, братцы, умеючи, а мы вам все дадим! Прокормим!»

Теме единства фронта и тыла посвящены и другие военные рассказы В. Шишкова: «Гость из Сибири», «Любопытный случай», «Дед Андрей», «Щедрая жертва». В этих рассказах писатель подчеркивает типические духовные свойства советских людей, беспредельно преданных Родине, делу партии коммунистов. «Сознание благородных, возвышенных целей борьбы, — писал В. Шишков, — в одном из военных очерков — и рождает невиданный героизм советских людей».

Писатель-патриот с первых дней войны верил в победу своего героического народа, но, не дождавшись ее, умер 6 марта 1945 года.

37 лет отделяют его первую символическую сказку «Кедр» от народной эпопеи — романа «Емельян Пугачев» и рассказов об Отечественной войне. До последних дней своей жизни Вячеслав Шишков не забывал «любимый Алтай», с которым связаны многие талантливые страницы вдохновенного творчества замечательного советского писателя.

АЛЕКСАНДР НОВОСЕЛОВ

Литературное наследие талантливого дореволюционного сибирского писателя А. Е. Новоселова знакомо сейчас очень немногим. В свое время пользовавшиеся заслуженным успехом, его повести и рассказы после трагической смерти автора впервые переизданы недавно в Барнауле. Отмеченные незаурядным мастерством, они и до сих пор не утратили художественной и познавательной ценности.

Александр Ефремович Новоселов (некоторые рассказы он подписывал псевдонимом «А. Невесов») родился 5 ноября 1884 года в станице Железинской, близ Павлодара. Здесь проходила старинная пограничная полоса, тянувшаяся от Яика до берегов Иртыша. Она легла вдоль горько-соленых озер и получила название «Горькой линии». Созданная в начале XVIII века, эта линия преследовала цель — обеспечить русскую колонизацию Западно-Сибирской окраины. Линейные укрепления были заселены сибирским казачеством, которое долгое время наряду с занятиями земледелием выполняло чисто военные функции против казахов — жителей бывшего Киркиз-кайсацкого края, которых в то время обычно называли «киргизами».

Выходец из небогатой казачьей семьи, Александр Новоселов провел свое детство в тесном общении с теми самыми кочевниками, от которых русское население тщетно отгораживала «Горькая линия». Уже в детстве мальчик знакомится с классовым и национальным угнетением. Окружающая действительность с ее нуждой и нище-

той не только трудящихся казахов, но и русских, заставляет будущего писателя задуматься над многими «почему?»

Жажда знаний привела его в Омский кадетский корпус, куда как наиболее способный ученик, он попал из пансиона казачьего войска. Но не военная карьера привлекала Александра Новоселова. Каждую свободную от учебы минуту он использует для чтения художественной литературы и вскоре пробует писать сам. «...То были, — вспоминала впоследствии жена писателя Г. П. Новоселова, — стихотворения в прозе о жизненной борьбе, море пошлости, грозящем захлестнуть каждого, о темной ночи, окружающей душу... Они никогда не увидели света, потому что автор, показавши их самым близким друзьям, уничтожал».

Перед выпускными экзаменами Александр Новоселов решительно отказался держать их и, покинув кадетский корпус в 1904 году, возвратился в Железинскую. Дома он усиленно занимается самообразованием и в 1905 году снова едет в Омск и сдает экстерном экзамены за учительскую семинарию.

После года работы в одной казачьей школе около Петропавловска А. Е. Новоселов переводится учителем на Алтай и работает в поселке Больше-Нарымском, у подножья Нарымского хребта. С тех пор творчество Александра Новоселова связано преимущественно с Алтаем, хотя писатель жил здесь сравнительно недолго.

В 1907 году он поступает работать в Омский пансион казачьего войска, в котором когда-то учился сам, и служит в нем воспитателем десять лет. Об этом периоде Александр Ефремович часто говорил: «По-настоящему живу я только летом, во время каникул», которые он обычно проводил в поездках по Алтаю. Эти поездки обогащали писателя жизненными наблюдениями и записями народного творчества, служившими материалом для будущих произведений.

Первая повесть, обратившая внимание на одаренного автора, была «Исишкина мечта». Наваянная впечатлениями детства, она рисует драму батрака-казаха, которого эксплуатирует богатый кулак. Повесть проникнута глубокой симпатией и любовью автора к угнетенному казахскому народу, верой в его светлое будущее.

В Омске начинающий писатель вступил в литератур-

А. Е. Новосел:

ный кружок при редакции газеты Круковского. Кружок издавал приложение к газете — маленький журнальчик, в котором печатались ранние рассказы А. Новоселова. В одном из них изображалась революционная отрывка 1905 года среди сибирского казачества.

В другом рассказе — «На пасеке» — яркими и сочными красками рисуется красивая природа Алтая, которая как бы сливается с красивыми и радостными переживаниями героев — приезжего молодого учителя и таежной красавицы, сердце которой он покорил. По отзыву членов кружка, «в рассказе чувствовалась непобедимая сила торжествующей жизни, терпкий запах смолистых кедров и аромат сотового меда».

Вскоре, разочаровавшись в Круковском, члены литературного кружка бросили газету, и журнальчик сразу же прекратил свое существование. Но потребность в общении привела к организации нового «семейного» кружка, просуществовавшего до 1917 года. Молодые писатели собирались друг у друга, читали свои новые произведения, обменивались мнениями.

Повести и рассказы А. Е. Новоселова, написанные на алтайском материале, неизменно получали самую высокую оценку.

Результатом первого знакомства писателя с жизнью явились его «Этнографические очерки». Они получили хороший отзыв А. М. Горького и были подготовлены им к печати в издательстве «Парус» отдельным сборником под названием «Лицо моей родины».¹ Но книга так и не увидела света: в бурные события 1917 года издательство, как и печатавшийся им горьковский журнал «Летопись», прекратили свое существование. Из одобренных и принятых А. М. Горьким к печати рукописей А. Е. Новоселова журнал успел опубликовать лишь рассказ «Жабья жизнь» и повесть «Беловодье».

Внимательно следя за появлением новых литературных сил, А. М. Горький сразу же заметил напечатанные в сибирских периодических изданиях первые очерки и рассказы А. Е. Новоселова, отечески поддержал его, высоко оценив свежий и яркий поэтический голос молодого беллетриста, радуясь тому, что этот голос прозвучал

¹ Очерки «Лицо моей родины» позднее, в 1923—1924 гг., печатались в журнале «Сибирские огни».

именно из Сибири, которая по существу выпала «из поля зрения» большой русской литературы.

К сожалению, литературному дарованию Александра Новоселова не довелось развернуться в полную силу. Писательским трудом, который Новоселов совмещал с основной работой в качестве воспитателя пансиона, он занимался недолго — по существу, всего семь лет. Но и за этот короткий срок писатель внес заметный вклад в литературу.

Во время ежегодных летних путешествий по Алтаю он особенно заинтересовался бытом раскольников, изучал жизнь старообрядцев и кержацкой глухомани, посвятив описанию их наиболее значительные свои произведения.

Два его сборника вышли в Барнауле и включали в себя лучшие рассказы и повесть «Беловодье», красочно описывающую жизненно правдивый, организованный раскольниками поход на поиски легендарной «Праведной земли».

...Возглавляет этот поход дед Панфил, еще в молодости давший клятву отцу найти Беловодье. Вот как описана эта сцена в первой главе повести. Панкрат — умирающий отец, все тяжелее дыша, говорит Панфилу:

«— Не нашел вот я... Неудобно, значит, богу... Что же, ты найдешь... Скажи мне, веришь ли в землю Восеонскую, правой вере обетованную?

— Верю, батюшка.

— А как ты веришь?

Сын молчал.

— Как ты веришь, говорю? Всяко верят. Есть, которые смеются. Из стариковских, из наших же такие есть. А другие опять рассудком затмились и ищут сказку богомерзкую... Думают, на белых водах калачи по березам висят... Не то надо искать... Не такое Беловодье...»

И дальше устами старика-отца автор рисует такую благодатную картину:

«Беловодье, оно ото всех стран отличительно... Найдешь, небось... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу... Трудись только во славу божью, как прародитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливай ее... Угодья разные там высмотри, да не забудь и душу — не должно там быть власти, от людей поставленной. Тем и свято оно, Беловодье. Ни

пашпорта тебе там, ни печати антихристовой — ничего... Правой вере простор... Живи, как хочешь...»

Писатель широко использовал бытовавшие в народе древние легенды о мифическом Беловодье, инициаторами поисков которого не раз выступали раскольники. В двадцатых годах повесть «Беловодье» выдержала в Сибири несколько изданий. Она свидетельствовала о появлении местного бытописателя огромной художественной силы, большого таланта.

Покойный советский писатель Феокист Березовский, начинавший свою революционную и литературную деятельность в Сибири, вспоминал в первом номере журнала «Сибирские огни» (1922 г.):

«Читая рассказы Новоселова и часто беседуя с ним, я убеждался, что рамки рассказов ему тесны. В его натуре и в приемах творчества чувствовалась непочатая художественная сила, бьющий через край, но сдерживаемый, до поры до времени, широкий писательский размах, готовый вылиться в огромное и сочное литературное полотно».

«Беловодье было первой такой попыткой. Другим крупным произведением была повесть «Мирская», которая увидела свет уже после смерти автора. Впервые она была напечатана в № 11—12 барнаульского литературного журнала «Сибирский рассвет», издававшегося в 1919 году Культурно-просветительным отделом Алтайского кредитного союза. В повести молодая мятежная душа «мирской» женщины противопоставлена реакционной косности отцов и дедов, удалившихся от мира.

Мастер коротких и вместе с тем ярких зарисовок пейзажа, он умело строил также диалоги. Его герои говорят каждый своим языком. Выразительные диалоги Панфила из «Беловодья», «мирской» Аннушки, героев рассказов «Жабья жизнь» и «Санькин марал» характеризуют их уклад жизни, нравы и привычки. Персонажи, произносящие эти диалоги, как живые, встают перед читателем, который видит в произведениях Новоселова суровые и правдивые картины ушедшей в прошлое дореволюционной алтайской деревни.

Александр Ефремович был полон творческих замыслов. В его письменном столе остались лежать незавершенными рукописи первых глав автобиографического романа «Чарусса», романа о судьбе сибирской интелли-

генции под названием «Китеж — град невидимый». Со своей подругой жизни Г. П. Новоселовой писатель делился планами третьего задуманного романа, для которого уже также было название: «Сиреневые занавески». Но планам писателя не суждено было сбыться.

Волна февральской революции 1917 года, подхватив писателя, оторвала его от литературного творчества.

Александр Новоселов не сумел вначале подняться до правильной оценки развернувшихся в стране событий. Под влиянием офицерского окружения, оказавшись в рядах партии эсеров, писатель неверно воспринял Октябрьскую пролетарскую революцию.

Но вскоре, однако, А. Новоселов понял ошибочность своих воззрений. В беседах со знакомыми он начинает высказывать ряд критических замечаний по адресу буржуазного лагеря, в котором оказался сам, по собственному признанию, будучи «плохим политиком, смутно разбиравшимся в партиях и их программах».

Белогвардейское казачье офицерство, верно служившее англо-американским интервентам в Сибири, узрело в подобных высказываниях симпатии писателя к Великой Октябрьской социалистической революции и расправилось с «изменником».

Вечером 21 сентября 1918 года в Омске А. Е. Новоселов обманным путем был вызван из своей квартиры двумя неизвестными белогвардейскими офицерами, которые посадили его в автомобиль и увезли в загородную рощу. Предательским выстрелом в спину он был убит.

В расцвете творческих сил, в возрасте 34 лет, А. Е. Новоселов не реализовал всего, что могло оказаться достойным его таланта. Но и немногое, созданное Александром Новоселовым за его короткую жизнь, проникнуто любовью к Родине, к своему народу и представляет собой одну из ярких страниц литературного наследия Алтая.

СТЕПАН ИСАКОВ

Маленький сборник рассказов «Там, в горных долинах», выпущенный в 1919 году издательством журнала «Сибирский рассвет» в Барнауле, — вот все, что дошло до нас из литературного наследия Степана Исакова. Изданная на оберточной бумаге небольшим тиражом, эта книжка стала сейчас библиографической редкостью — единственный экземпляр ее на Алтае имеется лишь в фондах краевой библиотеки.

Другие, печатавшиеся в сибирских и других периодических изданиях, произведения С. Исакова не собраны и забыты, как и само имя их автора.

Степан Исаков не избежал судьбы большинства «второстепенных» писателей. Ими мало интересуются даже историки литературы. В результате сибирская библиография дает о Степане Исакове очень мало сведений, да и те разноречивы.

Восполнить этот пробел позволяет обнаруженный недавно личный архив писателя, который сохранила его бывшая вторая жена Зинаида Константиновна Павлова, проживающая в городе Новосибирске. Любезно предоставленный ею, архив содержит новые, достоверные данные о жизни писателя — нашего земляка и об его творчестве.

Степан Ильич Исаков (часто он выступал в печати под псевдонимом — «Гай Чумиза») родился в 1888 году в селе Волчиха, на Алтае. Сын крестьянина, едва окон-

чив сельскую школу, не имел возможности продолжать учиться. Но, пристрастившись к книгам, он много читает, занимается самообразованием. Как человеку грамотному, Исакову предложили должность помощника волостного писаря в селе Малый Башчелак.

Отсюда в 1912 году он начинает корреспондировать в барнаульскую газету «Жизнь Алтая». Первые корреспонденции обратили на себя внимание редакции и всех, кто их прочел. Это были литературные зарисовки с натуры, живые картинки, изображавшие отсталость дореволюционной алтайской деревни.

Вскоре в газете появились первые рассказы Степана Исакова. Ярко рисовавшие красивую алтайскую природу, они велись от первого лица в виде своеобразных «путевых очерков» по родному краю.

Вокруг «Жизни Алтая» в то время группировалось несколько писателей во главе с Георгием Гребенщиковым. Они составляли выделявшийся в сибирской печати литературный отдел газеты и в 1911 году предприняли даже выпуск «Алтайского альманаха». Хорошо оформленный известным местным художником Г. Гуркиным, альманах был издан в Петербурге — маленькая барнаульская газетная типография не способна была набрать и напечатать книгу.

Стремление приобщиться к литературным кругам, услышать, пусть даже неприятную, но всегда полезную критику своих рассказов и получить квалифицированный совет и помощь старших, более опытных писателей, печатавшихся в столице — все это привело в 1913 году Степана Исакова в Барнаул. Здесь он был тепло принят и устроен на работу в редакцию газеты.

Но работать в «Жизни Алтая» ему пришлось недолго. С начала первой мировой войны мобилизованный в армию, С. Исаков, как ограниченно годный к строевой службе, на фронт не попал и очутился в казарме Новоиколаевска. Неся тяжелую солдатскую службу, он урывками продолжает заниматься литературной работой, печатает ряд рассказов в новоиколаевской и барнаульской газетах.

Редакции требовали произведений на военные темы, и писатель-солдат откликнулся на этот заказ рассказом «Недра». Человек сугубо мирный, органически ненавидевший человеческую бойню и вообще солдатчину, он опи-

сывает в «Недрах» переживания свои, солдата Степана Исакова, протестующего против нелепости отрыва человека от земли, семьи, дела и вынужденного так глупо караулить какие-то никому ненужные щепы, чувствовать себя заводной машиной, которую в ближайшие дни заставят убивать себе подобных. Размышления приводят солдата к смелому решению — он втыкает свой штык в землю, прощается с ненавистной казармой и уходит через мост к вокзалу.

В обстановке, когда газеты пестрели сводками с фронта и должны были поднимать дух жителей тыла, воспевая войну, геройство и храбрость солдат царской армии, — исаковские «Недра» не могли, конечно, увидеть света, и рассказ был опубликован лишь в конце 1919 года.

После февральской революции 1917 года С. Исаков по состоянию здоровья получил вначале отпуск, а затем был демобилизован из армии. Вернувшись в Барнаул, он целиком отдается любимому литературному труду. Стряхнув казарменный мрак и дыханием уже больных своих легких ощутив свободу, Исаков в марте 1917 года воспевал новое Солнце, которое осветит «наш воздушный, восходящий в самую глубину голубого неба путь... Оно взойдет высоко и своими лучами осветит восток и запад, юг и север. Оно взойдет у нас в России!»

Сравнивая революцию с солнцем, писатель видел, как «под его первыми лучами цветы начинают распускать бутоны и брызгать в напоенный светом утренний воздух свои ароматы...»

В «Сказке», посвященной маленькому сыну Васе, Степан Исаков, делился с читателями впечатлениями и раздумьями по поводу увиденного на многолюдной улице в бурные революционные дни 1917 года.

«Я видел, — писал он, — среди толпы человека. Он стоял на возвышении и говорил:

— Да здравствует свобода!

Он говорил это так, чтобы слышали все. И его никто не взял с возвышения, чтобы увести в тюрьму. Ему отвечали восторженными кликами.

...Разве это не сказка?»

И дальше, вспоминая недавнее прошлое, писатель говорит, обращаясь к маленькому сыну:

«Если бы ты знал, что было вчера, позавчера, неделю,

месяц тому назад! Но ты не будешь этого знать. Твое сердце не омрачится зловонием павшего рабства.

...Ты увидишь: теперь вся жизнь будет одна красивая сказка. Добрая Фея слетела на землю. Слетела-таки! И знаешь, кто первый дал место этой Фее? — Россия!.. Нет, не так хотел я сказать. Я хотел сказать: — Россия вырвала у злого деспота Фею».

Не примкнув ни к какой политической партии, выходец из народа Степан Исаков сочувствовал большевикам и, как видно из его переписки, возлагал большие надежды на победу Великой Октябрьской социалистической революции. Белогвардейский переворот в Сибири, последовавшую за ним иностранную интервенцию и колчаковщину писатель болезненно воспринял, как крушение своих надежд.

В творчестве Степана Исакова начинают преобладать упаднические настроения. В его рассказах этого периода появились ноты безверия и разочарования.

Надо сказать, что эти ноты проскальзывали у него и раньше. В ряде рассказов неслучаен отход С. Исакова от актуальной тематики в сторону психологизма в духе Достоевского. Сказалась тут неудачно сложившаяся личная жизнь писателя. Нищенский гонорар не обеспечивал прожиточный минимум. Семья в четыре человека ютилась в одной комнате, где, по выражению самого Исакова, «у печки были тропики, а у окна — полюс».

После демобилизации из армии, подорвавшей и без того слабое здоровье писателя, его ждали новые испытания. Вскоре умерла жена С. Исакова, оставив на его попечении двух малолетних сыновей. С помощью друзей дети были отправлены к родным в деревню. Но там они заразились инфекционной болезнью и, не перенеся ее, один за другим скончались.

Тяжелая утрата сразу всей семьи выбила болезненно, чахоточного Степана Исакова из колеи. Встречавшийся с ним в это время в Барнауле старый большевик И. Г. Зобачев рассказывает, что «даже во внешнем облике писателя каждому бросались в глаза его внутренняя боль и страдания: он опустил плечи, был всегда угрюм, глаза его были грустны, взор застывший. Он как-то ушел в самого себя. Слушаешь его, бывало, и кажется, что он говорит об одном, а думает о чем-то другом, далеко».

Каждый герой исаковских рассказов этого времени —

сам писатель, с его болезненной усталостью и разочарованием в жизни, с его пессимизмом и внутренними страданиями. Мистицизм, прикрывающий уход писателя от жизни, интерес к «вечным» проблемам, особенно к проблеме смерти, поиски «смысла жизни», мучительные блуждания и сомнения пронизали произведения Степана Исакова этого периода.

Иногда, пытаясь сбросить с себя груз мистики, писатель ищет отдыха и исцеления на лоне алтайской природы, в среде простых и здоровых таежных крестьян. И тут Степан Исаков вновь обретает утраченную было большую художественную силу и мастерство.

С течением времени, стремясь устроить свою одинокую жизнь, Степан Исаков вторично женился. Товарищи, наблюдавшие метания писателя, всячески старались отвлечь его от упаднических настроений. И после разгрома колчаковщины, когда на Алтае была восстановлена советская власть, Степан Исаков как бы просыпается от долгого летаргического сна. Исчезла мучившая писателя бесперспективность.

Тяжело больной, он спешит наверстать упущенное. Работает в газете и собирает по свежим следам материалы о партизанском движении, намереваясь посвятить роман этой славной странице истории гражданской войны в Сибири.

Удостоенный в 1920 году премии на литературном конкурсе в Барнауле рассказ «Без имени», как и многочисленные другие рассказы, часть которых осталась неопубликованной, характеризуют последний этап творчества Степана Исакова, вернувшегося на путь реалистического изображения действительности. Острое социальное содержание, углубленный психологический показ переживаний героев свидетельствует о таланте автора, обладавшего даром анализа «души человеческой».

По настоянию друзей Степан Исаков отправился на лечение в Крым. Несколько месяцев в Барнауле от него не было никаких вестей. Оказалось, что не доехав до курорта, писатель остановился в Москве, был определен в лечебницу, где и умер от туберкулеза 19 августа 1921 года.

АГУЛИПРОК

Канун 1917 года характеризуется пробуждением литературной жизни на Алтае. К первой половине 20-х годов Барнаул становится литературным центром Сибири. С Алтаем этих лет связано творчество сибирских писателей Г. Гребенщикова,¹ А. Новоселова, В. Шишкова, Ф. Березовского, С. Исакова, В. Бахметьева, П. Казанского и др. Они составляли вошедшее в историю русской литературы объединение «Молодая литература Сибири».

Выдвинув целую плеяду талантливых писателей, Алтай мог в то время предоставить им возможность печататься лишь в единственной, небольшого формата, газете. Тесные газетные рамки, отсутствие издательств в Сибири заставили местных авторов искать связей с центром. Алтайская тематика стала завоевывать себе место на страницах столичных журналов «Современный мир» и «Сибирские вопросы», в миролюбовском «Ежемесячнике» и горьковской «Летописи».

Первая мировая война отвлекла ряд писателей от мирного труда. Одни были призваны в армию, другие перекочевали в столицу. Остальные, из-за нарушившейся связи с центром, вынуждены были забросить литературу и искать себе заработка на жизнь.

После нескольких лет застоя литературная жизнь Алтай ожила в новых условиях, открывшихся после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Литературная весна на Алтае ознаменовалась созданием

¹ Г. Гребенщиков после Октябрьской революции эмигрировал за границу

«Агулико» или, как он назывался впоследствии, «Агулипрок».¹

В бурные дни сибирской зимы 1917—1918 гг. это непонятное современному читателю название было весьма популярным в Барнауле. Расшифровать его помогает сохранившийся шуточный гимн Агулипрока, написанный учителем-поэтом П. А. Казанским, который знаком старым барнаульцам по своей педагогической деятельности и стихотворным фельетонам с подписью «Премудрая крыса-Онуфрий». Приводим этот гимн:

В свободной каше пятью-двойственной
Возжен искусства яркий свет:
Литературно-продовольственный
Мы учредили комитет.
Алтайский он. В нем при вечерние
Любезны чувству и уму.
Ликуй, Алтайская губерния:
Губернский — звание ему.
Под стать к свободе прочим факторам,
Сулит он нам великий прок.
Цвети ж в веках на страх редакторам,
На славу нам, А-гу-ли-про-к!

Один из организаторов Агулико — Г. М. Пущкарев вспоминает, что на его «при вечерние» (полразумеваются собрания, где велись жаркие прения) Алтайский губпродком специально выделял продукты для организации чаепития. Стакан сладкого чая и бутерброд с маслом послужили поводом для шуточного названия комитета «литературно-продовольственным».

Была к этому и другая причина — сам Агулипрок снабжал местную печать «продовольствием», т. е. своей литературной продукцией. В одном из протоколов заседаний Агулипрока, которые по очереди велись писателями обычно в шуточной форме, мы находим следующие стихотворные строки:

Налив себя китайской жижей,
Оборотились к делу ближе.

¹ Автор благодарит старейшего сибирского писателя Глеба Михайловича Пущкарева, поделившегося своими воспоминаниями и архивными документами о литературной жизни Барнаула 1917—1920 гг., которые использованы в настоящей статье.

И Пушкарев сказал доклад
 О том, что нам-де «Голос»¹ рад.
 И приглашает в день воскресный
 Материал давать чудесный,
 За что (хоть кассе-то удар)
 Заплатит даже гонорар.
 Агулипрок по обсужденью
 Такое высказал решенье:
 Пусть нам художества отдел
 Отныне «Голос» даст в удел;
 Пусть все по этому отделу
 Нам на просмотр идет всецело,
 И что пропустим мы в печать, —
 Отнюдь то больше не кромсать.
 Вопрос был высказан при этом:
 Придется ли «Всю власть Советам»
 Во всяку вещь, врагам на страх,
 Вводить и в прозе, и в стихах?
 Успокоительным ответом
 Довольны были все при этом:
 Вопрос решенным все сочли
 И к литературе перешли.

Состав Агулипрока был разношерстный: в него входили большевики, эсеры и беспартийные, бывшие офицеры и рабочие, журналисты и оказавшиеся в Барнауле студенты, давно печатавшиеся и только начинающие поэты и прозаики. Всех их объединяли литературные интересы. Каждый агулипроковец приносил свои произведения на общественный суд. Обсуждение их носило дружеский, доброжелательный характер, но нередко вызывало и оживленные споры.

24 апреля 1918 года в Барнаул приехала группа писателей-центровиков, как их тогда называли. В составе этой группы были А. Новиков-Прибой и Иван Вольнов. Связанные дружбой со времени пребывания у Алексея Максимовича Горького на Капри, они приехали на Алтай, чтобы закупить здесь хлеб для писателей столицы. Вместе с ними прибыл и сын Горького — Максим Пешков. Последний, кстати, в результате этой поездки напи-

¹ Газета «Голос труда» — орган Барнаульского Совпеда в 1917 году.

чал на сибирскую тему рассказ, который ошибочно приписывался Алексею Максимовичу.

Живя в своем вагоне на барнаульском вокзале, Новиков-Прибой и Вольнов принимали у себя местных литераторов, беседовали с агулипроковцами, которые не ожидали тогда, что Алексей Силыч вскоре вернется в Барнаул на более продолжительное время.

Это случилось в октябре 1918 года, уже после контрреволюционного мятежа в Сибири. Захват сибирской железной дороги мятежниками застал А. С. Новикова-Прибоя с семьей в пути с Дальнего Востока в столицу. Но пробраться туда через линию фронта оказалось невозможным. А. С. Новиков-Прибой, много наслышавшись ранее об Алтае, избрал местом жительства приглянувшийся ему в свой первый приезд Барнаул. Сюда вместе с ним прибыл также П. Г. Тупиков, впоследствии известный советский писатель Павел Низовой.

Их приезд несколько приободрил павших духом агулипроковцев. Не собиравшиеся после падения советской власти в Барнауле, писатели стали вновь встречаться поочередно на квартирах друг у друга. Моральную, да и материальную поддержку писателям в это смутное время оказал культурно-просветительный отдел Алтайского кредитного союза, во главе которого стоял член Агулипрока, большевик-подпольщик И. Г. Зобачев.

Культурно-просветительный отдел занялся издательской деятельностью, выпускал брошюры с произведениями местных авторов и сам же их распространял. Увидев эти брошюры, приезжие писатели заговорили о возможности печатать в Барнауле более солидные книги и даже выпускать литературный журнал. Это была заманчивая идея, увлекшая всех. И в начале 1919 года в Барнауле стал выходить журнал «Сибирский рассвет».

Редактором журнала писатели единодушно выдвинули Степана Исакова в расчете на то, что работа отвлечет его от пессимизма, в который он впал после трагической потери семьи. Да и как писателя его имя было известно многим по рассказам, напечатанным в газетах, в «Современном мире» и других столичных журналах.

В условиях колчаковской цензуры «Сибирский рассвет» вынужден был проявлять по меньшей мере лояльность к власти «верховного правителя». Это никак не вязалось с политическими взглядами многих авторов та-

ких, как Новиков-Прибой, Низовой, Овчинников¹ и других агулипроковцев, печатавшихся в журнале по соседству со стихами Ю. Ревердатто, писавшем только о принцессах и гобеленах. Такое соседство на страницах «Сибирского рассвета» часто резало глаз и было неприятным, но реальная обстановка требовала временного сосуществования и приходилось с этим мириться.

Журнал выпускал и «Библиотечку» книг местных авторов. В ней вышли книжки А. Новоселова, С. Исакова, А. Жилиякова, П. Казанского и др. Издал две своих книги и А. С. Новиков-Прибой: «Море зовет» и «Две души». Писатель-маринист, он был верен своей морской тематике и, живя в Барнауле, начал работать над своей замечательной «Цусимой».

Пребывание писателя на Алтае нашло отражение в написанном позже рассказе «Зуб за зуб», ярко рисуящем эпизод из героической борьбы алтайских партизан с колчаковскими карателями. Запоминается образ руководителя партизанского отряда Потапа Кротова, прозванного Отпетым. Кличку эту он получил потому, что по приказу командира роты колчаковских карателей Прибылева был заживо отпет сельским священником и закопан в землю. Жизнь Отпетому спасли крестьяне, они ночью откопали его. Рассказ убеждает читателей в том, что контрреволюция обречена и народ, пробужденный Великим Октябрем к активной политической и культурной жизни, неизбежно должен выйти победителем.

Алтаю периода гражданской войны посвящены и многие произведения Павла Низового: повести и рассказы «В горной тайге», «Золотое озеро», «Среди гор», «Крыло птицы», «В горах Алтая» и другие.

Из местных агулипроковцев, внесших заметный вклад в сибирскую литературу, помимо Степана Исакова, следует отметить также покойных Артема Ершова, Порфирия Казанского, Арсения Жилиякова и продолжающего работать в литературе, проживающего в Новосибирске Глеба Пушкарева.

Существовавший в годы борьбы за установление и упрочение советской власти, Агулипрок оставил о себе память в истории литературной жизни Алтая.

¹ Скрывавшийся в Барнауле большевик, позднее расстрелянный колчаковцами в Семипалатинске.

ГОРЬКИЙ И АЛТАЙ

На протяжении всей своей писательской жизни Алексей Максимович Горький боролся за создание такой литературы, которая осветила бы трудящимся современную жизнь и историческое прошлое не только нескольких центральных районов страны, но и самых далеких ее окраин, жизнь людей труда, расселившихся на необъятных российских просторах.

Уже в начале своего творческого пути великий русский писатель проявил глубокий интерес к Алтаю.

В 1896 году, ознакомившись с экспонатами Алтайского горного округа на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде, Алексей Максимович Горький писал в «Нижегородском листке»: «Не красна изба углами» — вот что думается, когда подходишь к павильону Сибири, ждешь, что она окажется «красна пирогами», и не ошибаешься...»

На самом себе испытавший много жестокостей и мерзостей капитализма, Горький обличает в своей статье своекорыстие господ-эксплуататоров, которые пренебрегали показом на выставке условий труда рабочих.

Горького восхитили художественные изделия алтайских камнерезов и его занимал вопрос о неизвестных мастерах, «делающих чудеса из камня, как они это делают и как они при этом проживают». Уже тогда Горький ставит вопрос о необходимости широкого ознакомления России с Сибирью.

Горький гордился первыми русскими землепроходцами, присоединившими к России обширные земли, простирающиеся до берегов Тихого океана; он восхищался

трудолюбивыми русскими людьми, начавшими освоение этих богатейших земель. «Просветить Россию, ознакомить ее с Сибирью, — писал Горький в том же году в газете «Одесские новости», — следует особенно теперь, когда Сибирь по милости железной дороги подвинулась к нам так близко».

Призывая читателей к более глубокому и обстоятельному ознакомлению с Сибирью, сам Горький показывает в этом отношении пример. Он внимательно изучает литературу о Сибири и в скором времени приобретает обширные сведения об этой территории страны.

Горький знал, что Сибирь — это «золотое дно» и, как русский патриот, гордился богатством Сибири — этой «прекрасной», «бесподобной», «чудовищно мощной» страной, страной «с большими горизонтами» и «поражающим воображение будущим». Так воодушевленно писал и говорил Алексей Максимович о Сибири, не раз высказывая сожаление, что еще не побывал там, и рассчитывая вырвать время для такой поездки.

К сожалению, мечте писателя не суждено было сбыться. Но Сибирь и, в частности, Алтай всегда были в поле зрения Алексея Максимовича Горького. Интерес его к Алтаю проявлялся в постоянном и глубоком стремлении писателя познать этот край, помочь открытым здесь творческим талантам, поддержать их, ввести их в большую литературу и заполнить «белые пятна» в литературе художественным изображением не освещенных или еще слабо освещенных в ней районов страны.

На путь служения интересам народа Горький направлял творчество ряда живших на Алтае писателей, следя за их ростом и постоянно помогая им сформироваться в мастеров слова.

Барнаульский рабочий — поэт Иван Тачалов своим появлением в литературе обязан Алексею Максимовичу Горькому, его вниманию и чуткой поддержке. В 1906 году поэт-самоучка послал свои стихи Алексею Максимовичу. Они обратили на себя внимание Горького своим бодрым, жизнерадостным настроением, верой, что недалеко то время, когда

Земля покроется цветами,
Падут зимы мертвящей сны,
И дни сравниваются с ночами

В сияньи царственной весны.
И будет мир преображенный
Объят великой красотой
И сердце жизни обновленной
Упьется счастья полнотой.

Это был «необычный» голос, необыкновенные слова в то время».

В статье «О писателях-самоучках», напечатанной в 1911 году, Горький вместе с отрывками из стихов Тачалова привел полностью его автобиографию, показав в каких неимоверно тяжелых условиях жили и творили талантливые писатели из народа. Горький назвал Тачалова «человеком страшной жизни».

В ответ Тачалов писал Алексею Максимовичу: «Читал Вашу статью «О писателях-самоучках» и очень гордился, что Вы это использовали в пику духовной расшатанности интеллигенции, противопоставляя нас, как носителей возрождения духа бодрости и веры в торжество грядущего царства истины; нас — сохраняющих под кошмарной тяжестью страданий — зародыш Прометеева огня».

Горький возлагал большие надежды на Тачалова, из которого, как он полагал, «выработается бодрый, смелый поэт-революционер». Своей поддержкой Горький увеличивал силу его сопротивляемости страшной жизни. Позднее, в 1928 году Горький пишет предисловие к «Мрачной повести» Тачалова.

«Следует помнить, — указывал Алексей Максимович в этом предисловии, — что процесс развития внутренней и внешней культуры есть именно процесс преодоления трудностей. И следует помнить, что все эти трудности — естественное, неизбежное следствие, созданное величием и сложностью задач, которые поставлены к разрешению творцом новой истории — рабочим классом. Никогда еще такая огромная часть населения нашей планеты, как пестрое население нашего Союза Советов, не объединялась на деле изменения коренных основ жизни... Мне кажется, что если б молодежь хорошо понимала неизбежность трудностей и отсюда исходящий героизм, ее, молодежи, позиции — она легче преодолевала бы ее трудности. Иван Тачалов понимает это. Он стонет, он измучен, но он понимает пафос борьбы и радость ее. Он — неплохой пример. Невероятно тяжела

его жизнь, но, измучив его, она не погасила огня его души».

Внимательно следя за появлением новых литературных сил, Алексей Максимович Горький отечески поддерживал и ряд других писателей, творчество которых было связано с Алтаем. Внимание Горького привлекли первые рассказы Вячеслава Шишкова, написанные на алтайском материале. В 1912 году Алексей Максимович в одном из своих писем в Сибирь предсказывал, что «Шишков может развернуться в крупного писателя». В другом письме он отмечал: «Был рад узнать, что Шишков пишет большую вещь. Давно пора». По поводу этой «большой вещи», прочитанной в рукописи (речь идет о шишковской повести «Тайга»), Горький позднее писал автору: «Тайга» очень понравилась мне, и я поздравляю Вас это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит и Вам убеждение в необходимости работать, верить в свои силы».

Горький радовался каждому успеху писателя. «Свежи и сочны, — писал он, — алтайские этюды Бахметьева, хороши. Сообщите подробности о Бахметьеве, он тоже далеко пойдет — далеко».

Плодотворным было влияние Горького и на творчество таких дореволюционных писателей Алтая, как А. Новоселов и Г. Гребенщиков. Последний в одном из писем Г. Н. Потанину из Петербурга сообщал: «Начал большую работу — роман под кратким заголовком «Чураевы». Первую часть закончил, отдал Горькому. Он очень одобрил и давал мне денег, чтобы я садился и писал, оканчивал работу». В редактировавшемся Горьким журнале «Летопись» были опубликованы новоселовские «Жабья жизнь» и «Беловодье», а также «Любава» — Гребенщикова.

В письмах о творчестве писателей Алтая Горький постоянно призывал их расширять свой кругозор, глубоко изучать жизнь, не увлекаться натуралистическим бытовизмом, а стремиться к тому, чтобы на материале алтайской жизни, местного быта давать глубокие художественные обобщения, обогащать литературу за счет устного народного творчества трудящихся. Горький призывал писателей работать над совершенствованием языка литературных произведений. И главное, что подчер-

живается в дореволюционных письмах Горького — это его совет: звать народ к борьбе за лучшую жизнь, против угнетателей. Революционными устремлениями проникнуты все горьковские советы молодым авторам.

«Мы живем в дни чрезвычайно трудные, требующие настоятельно упорной, организационной работы, — писал Алексей Максимович в 1913 году. — Должны же мы, наконец, устроить плохие домашние дела наши, чтобы свободно и сильно выйти на улицу, на праздник общечеловечьей веселой работы по устройению на земле жизни светлой, радостной, свободной».

Можно без преувеличения сказать, что все литераторы — выходцы из нашего края, или творчество которых было связано с Алтаем, — не только испытали на себе благотворное влияние Горького-художника, но и его непосредственную помощь и поддержку. Большое значение Горький придавал «сибирской литературной мобилизации», которая, по его определению, была «важна не только сама по себе, но и как толчок для всей Руси».

Много раз Горький мечтал съездить на Алтай. Писатель Георгий Гребеншиков, редактировавший барнаульскую газету «Жизнь Алтая», писал Горькому 23 января 1913 года: «Меня все терзает мысль: неужели Вам не удастся посмотреть Сибирь, и особенно Алтай? Я не теряю надежды, что в качестве «проходящего» Вы приедете к нам в горы и увидите, что это за величие дикой красоты... Может быть и удастся мне искутить Вас...»

Местные писатели, знавшие горьковскую страсть, изыскивали способы устроить его поездку на Алтай, в частности, предлагая обрядить Алексея Максимовича так, чтобы он сошел за какого-либо «ходака» или старовера, искателя «Беловодья». В то время Горький жил за границей в изгнании и не мог вернуться в Россию легально.

Алексей Максимович Горький, однако, не отказался от своей давнишней мечты. Уже после революции по возвращении из Италии писатель предпринял обширный маршрут поездок по стране, заполнивших все лето 1928 года. На следующее лето он твердо планировал поездку в Западную Сибирь. Но из-за большого объема общественно-политической и литературной работы Горькому

пришлось отложить эту поездку. Великому русскому писателю так и не удалось побывать за уральским хребтом.

Но Алтай постоянно привлекал внимание пролетарского художника, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции. Советский Алтай, с каждым годом открывавший все новые стороны своего бытия, вызывал у Алексея Максимовича чувство гордости и радости. Горького интересовало все: успехи хлеборобов Кулунды и жизнь барнаульских рабочих, достижения социалистической культуры и даже развитие мараловодства на Алтае.

В советские годы переписка Горького с Алтаем значительно расширилась. Основоположник советской литературы не мыслил творческой жизни вне постоянного живого общения со своими бесчисленными читателями. Он писал в Барнаул пимокатам, в Баево — колхознику Васечко, в Кулундинскую степь — подшефному колхозу и многим другим.

В каждом из своих писем на Алтай Горький прежде всего подчеркивал великую историческую миссию страны Советов и исключительную роль советского человека — строителя коммунизма.

Когда заводу было присвоено имя Горького, рабочие—пимокаты Барнаула послали писателю коллективное письмо. Алексей Максимович не замедлил с ответом, в котором вспоминал о прошлой дореволюционной жизни рабочих и сравнивал ее с новой действительностью, предсказывая Сибири большое будущее.

Высоко оценил Горький начинание группы сельской интеллигенции села Повалихи, решившей создать историю родного села. Собрав богатый материал, повалихинцы, однако, не довели начатой работы до конца.

К сожалению, многие письма Горького на Алтай, в том числе письма колхозникам сельхозартели имени Горького. Славгородского района, не сохранились. Примерное содержание их можно установить лишь по воспоминаниям. Они свидетельствуют о том, что Горький внимательно следил за ходом социалистического строительства на Алтае и радовался каждому успеху в его преобразовании.

«Великая это радость, — писал он в 1935 году съезду колхозников-ударников Западной Сибири, — строить прекрасную, ладную жизнь на колхозной земле. Особен-

Но радостно строить счастливую жизнь вам, колхозникам-сибирякам. Была раньше Сибирь каторжная, необъятный край необъятного горя, край кандалов и смертей. Сейчас есть обновленная колхозная земля — Сибирь советская, край социалистического созидания».

Еще раньше в другом письме Горький писал: «Индустриализация Сибири — это одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к решению основной задачи — к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем неизбежно — к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности».

Горький мечтал о покорении природы Сибири, о поражающих воображение своей грандиозностью сказочных картинах ее будущего. Мечты Горького успешно воплощаются в жизнь.

Пламенное художественное и публицистическое слово Горького вдохновляет покорителей алтайской целины и строителей промышленных объектов шестой пятилетки на труд и на подвиги во славу любимой Родины, во имя мира и дружбы народов, во имя коммунизма.

Как бы к своим наследникам обращены бессмертные слова Горького, завещавшего советским писателям изучать жизнь во всей ее сложности, во всем ее многообразии и на основе этого изучения создавать произведения, ярко и глубоко отражающие великие деяния великого народа, рукой мастера-художника лепить типические образы советских людей, образы строителей коммунизма. Этому, в первую очередь, учит литературное наследство Алексея Максимовича Горького, пользующееся на Алтае огромной любовью. На его книги — всегда большой спрос в библиотеках. С неизменным успехом идут горьковские пьесы на сценах театров, рабочих и сельских клубов края.

И труженики Алтая вместе со всем советским народом говорят о своем любимом писателе его же вдохновенными словами из «Песни о Соколе»:

— Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

ДВЕ КНИГИ — ДВЕ СУДЬБЫ

Немногие знакомы с написанным еще в прошлом столетии памфлетом — оригинальной книгой, носящей название «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца». Написал ее простой сибирский крестьянин Тимофей Михайлович Бондарев.

Любопытна судьба этой книги и ее автора. Крепостной крестьянин Бондарев в 1858 году «провинился» перед своим хозяином — помещиком и был сдан в солдаты на 25 лет. В царской армии Бондарев знакомится с рукописным списком книги «Путешествие из Петербурга в Москву» и под влиянием революционных идей Радищева выражает недовольство царским режимом, требуя сокращения срока солдатской службы. За это Бондарева предали военному суду, который приговорил вольнодумца к вечному поселению в Сибири.

Здесь, на кабинетских землях Алтайского округа — в селе Иудино, недалеко от Минусинска, на 54-ом году жизни Тимофей Бондарев написал свой памфлет, гневно обличавший самодержавие, помещиков и прочих тунеядцев. В 1885 году находившийся в сибирской ссылке один московский врач отправил рукопись Льву Николаевичу Толстому. В ответном письме врачу великий русский писатель сообщал, что полученное сочинение он прочел своим семейным — они «встали после чтения молча и пристыженные разошлись».

Лев Николаевич Толстой предпринял несколько тщетных попыток опубликовать сочинение Бондарева, написал к нему предисловие, в котором между прочим имеется такая оценка: «Труд Тимофея Михайловича Бондарева кажется мне очень замечательным по силе, ясности и по

красоте языка и по искренности убеждения, видного в каждой строчке, а главное по важности, верности и глубине основной мысли».

Царская цензура не допустила книгу Бондарева к русскому читателю. Впервые она была издана в начале 90-х годов в Париже на французском языке. В периодической печати России того времени о ней появилось много хвалебных отзывов, но при жизни автора его труд на родине так и не увидел света.

Наивная надежда, что царское правительство разрешит напечатать сочинение, проникнутое ненавистью к нему, с течением времени у автора исчезла. Но Бондарев не мог допустить, чтобы его мысли вместе с ним ушли в могилу. Глубокий старик, за два года до смерти он высек на двух каменных плитах завещание потомству и наказал сыну положить их на могиле.

«О, какими страшными злодеяниями и варварствами переполнен белый свет! — высек Бондарев на плите, поставленной после его смерти у изголовья. — По всей России всю плодородную при водах землю, луга, леса, рыбные реки и озера, все это цари от людей отобрали и помещикам да миллионерам и разным богачам отдали на вечное время, а людей подарили в жертву холодной и голодной смерти».

На камне целой книги не высечешь. И Бондарев сделал надгробный столик с выдвижным ящиком, куда по его завещанию была положена вся рукопись. Жители Иудино читали ее, часто навещая могилу своего односельчанина, и пользовались предсмертным разрешением автора, писавшего в обращении к читателю: «Если же угодно тебе в дом взять эту мою рукопись, то возьми, я позволяю, и скоро на это же место возврати».

Рукопись, однако, исчезла из надгробного столика. Предполагали, что она попала в известное книгохранилище красноярского купца Юдина. Когда он продал свою библиотеку американскому конгрессу, считали, что в числе других была вывезена за океан и рукопись книги «Трудолюбие и тунеядство». Но предположения эти оказались ошибочными. Один раз, хотя и после смерти, Бондареву посчастливилось — его рукопись была обнаружена и уже в наше советское время передана в краеведческий музей города Красноярска. Там же она была впервые и полностью напечатана.

На полках книжных магазинов и библиотек рядом с трудами известных ученых и произведениями писателей мы часто встречаем книги, написанные рядовыми советскими людьми — тружениками полей. Читая их книги, невольно вспоминаешь Бондарева. В сравнении разных судеб, отражающих черты разных эпох, проникаешься чувством гордости за великие социалистические завоевания советского крестьянства, за настоящее торжество земледельца, о котором Бондарев так страстно мечтал.

Молодежи, выросшей при советской власти, трудно представить себе, каким образом земля могла принадлежать кучке тунеядцев, не занимавшихся трудом, как мог один человек эксплуатировать сотни других.

Вопрос о земле занимает основное место в книге Т. М. Бондарева. «Земля, — писал он, — с трудом непрерывным канатом связана, то есть чья земля, того и труды должны быть над нею. Почему же вы, помещики, землю у нас нагло отняли, а труды над нею с омерзением назад от себя бросили? Это выше всякой меры наглости — одному человеку отдать многие тысячи десятин земли, а другой такой же человек — ему и десятины нет».

Развивая свою мысль, Бондарев в 145 вопросах изобличает тунеядцев. Всей душой ненавидевший эксплуататоров и белоручек, Бондарев, однако, не знал, где искать и как найти ответы на свои вопросы.

Перед нами — небольшая книжка, выпущенная в 1950 году Алтайским краевым издательством. Автор ее — известный сейчас всей нашей стране алтайский хлебороб, Герой Социалистического Труда Михаил Ерофеевич Ефремов — описывает историю своей жизни. До революции успевший хлебнуть немало горя, Михаил Ефремов пишет:

— Прошлая крестьянская жизнь мне рисуется теперь в образе путника, который идет в кромешной ночной тьме с непомерно тяжелой ношей на плечах, по бездорожью — по кочковатым сограм, по бурьянным полям и оврагам. Путник устал, измучился, его одежонка изорвана, босые ноги кровоточат, а сзади нужда подгоняет:

— Иди, иди, иди...

...Родное село Метели, Белоглазовского района, окружают огромные земельные просторы — бери и возделывай, сколько хочешь! Но не меньшей была и разница в

достатке жителей села. Пара семей жила в роскоши, остальные в той или иной степени находились в кабале у богатеев. Из этой кабалы бедняк уже не мог выйти до самой смерти.

Десятками лет ничто не менялось в Метелях. Жизнь была темной и неподвижной. Бедность большинства крестьян была вопиющей. Люди довольствовались самодельными предметами обихода: сами делали мебель и посуду, шили овечьи шубы, немудреные «обутки» и домо-тканую одежду.

«Всею общиной метелевцы не могли собрать средств для того, чтобы построить школу. Кривые переулочки, приземистые покосившиеся избенки, обтянутые скотской брюшиной окна, поломанные изгороди и плетни — таков был неказистый облик села».

Большой Октябрь дал алтайской деревне свет, указал новый путь крестьянину, и он вздохнул полной грудью. Коммунистическая партия вывела крестьянство на путь колхозов. В процессе коллективизации был ликвидирован класс кулачества, а мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство преобразовано в крупное общественное, социалистическое хозяйство. При советской власти в колхозах осуществлялась самая заветная мечта трудового крестьянства — оно стало подлинным хозяином земли.

И колхозник Михаил Ефремов, вооруженный первоклассной техникой и передовой советской наукой, почувствовал свою власть над землей. Он занимается опытничеством и в 1937 году становится инициатором движения за получение высоких урожаев — движения, разросшегося далеко за пределы Алтая и известного под названием «ефремовского».

Родину ефремовского движения стали наведывать даже иностранцы. Почта доставила Михаилу Ефремовичу сотни писем — они шли отовсюду и требовали раскрытия «секретов» рекордных урожаев. Алтайское село Метели стало образцом, школой социалистического строительства в деревне для миллионов крестьян стран народной демократии.

Когда-то Бондарев сетовал на буржуазных ученых «Сколько много на свете уму непостижимых хитростей, на всякое изделие придуманы машины: где бы нужно сто человек работать, там одна машина чище всяких человеческих рук работает; хлебная же работа, как крестьяне

сами придумали еще с незапамятных времен, так и мучаются. А дорого ли бы ему, механику, стоило бы подойти и сказать немного слов: «Делай так и так» и тем вся сверхъестественная тяжесть свалилась с плеч людей и животных. Нет, он и близко подойти не хочет как к этой гнусной для него работе, так и к работающему ее. А сам много раз на всякий день ест, без чего на свете жить не может».

Посмотрел бы Бондарев сейчас на нашу сибирскую деревню — электрифицированную, насыщенную техникой. Сколько лошадиных сил скрыто в моторах тракторов, обрабатывающих колхозные земли! В страдную пору уборки урожая мощные тракторы ведут сцепы комбайнов. Из-за высокой пшеницы видны корпуса молотилок. С каждым годом все больше и больше уничтожается существенное различие между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

Огромную, систематическую помощь нашему крестьянству оказывает социалистический город. Непрерывным потоком шлет он в деревню могучую технику. С каждым годом крепнет нерушимый союз и дружба рабочего класса с крестьянством. Их интересы — одни: строительство коммунистического общества.

Соха, бывшая до революции основным орудием хлебопашца, давно забыта стариками и совсем незнакома молодым колхозникам, большинство которых и серпа в руках не держало. Ручной труд земледельца заменен машинами. Все больше и больше механизуются трудоемкие работы во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Машины и электричество превращают сельскохозяйственный труд в разновидность труда индустриального.

Достижения самой передовой в мире советской науки несут в колхозы края ученые сельскохозяйственных институтов на Алтае, многочисленных научно-исследовательских станций, работники опорных пунктов и сортоиспытательных участков.

Обыденное у нас явление: маститый хлебороб Михаил Ефремов или прославленный механизатор Семен Пятница поднимаются на кафедру и читают лекции об опыте своей работы. Труд колхозника приобретает все более отчетливые черты подлинного творчества.

«Было ли от начала века, кто бы получил за хлебное

трудолюбие награду?» — спрашивал Бондарев и отвечал: «Нет». Он предлагал: «надо награждать за хлебный труд хотя из тысячи одного».

Не один, а сотни из тысячи хлеборобов Алтая по заслугам награждены советским правительством. Из зорного, тяжелого бремени при капитализме труд земледельца стал у нас делом чести, славы, доблести и героизма, становится первой жизненной необходимостью. Это находит свое выражение в огромном подъеме социалистического соревнования, которым охвачена колхозная деревня.

По планам, начертанным партией Ленина, под ее руководством колхозники Алтая преобразуют природу родного края и, введя в хозяйственный оборот свыше трех миллионов гектаров целинных и залежных земель, увеличивают богатства общественного хозяйства и тем самым крепят могущество своей Родины — оплота мира и дружбы между народами.

Читаешь книги Бондарева и Ефремова и перед глазами проходят две судьбы авторов книг, изданных в разные эпохи.

Жалкой и горестной была судьба сибирского крестьянина Тимофея Бондарева до революции.

Радостен созидательный труд Михаила Ефремова в наше, советское время.

Грандиозная программа крутого подъема сельского хозяйства, всемерного повышения народного благосостояния вдохновляет колхозного человека на новые творческие искания.
